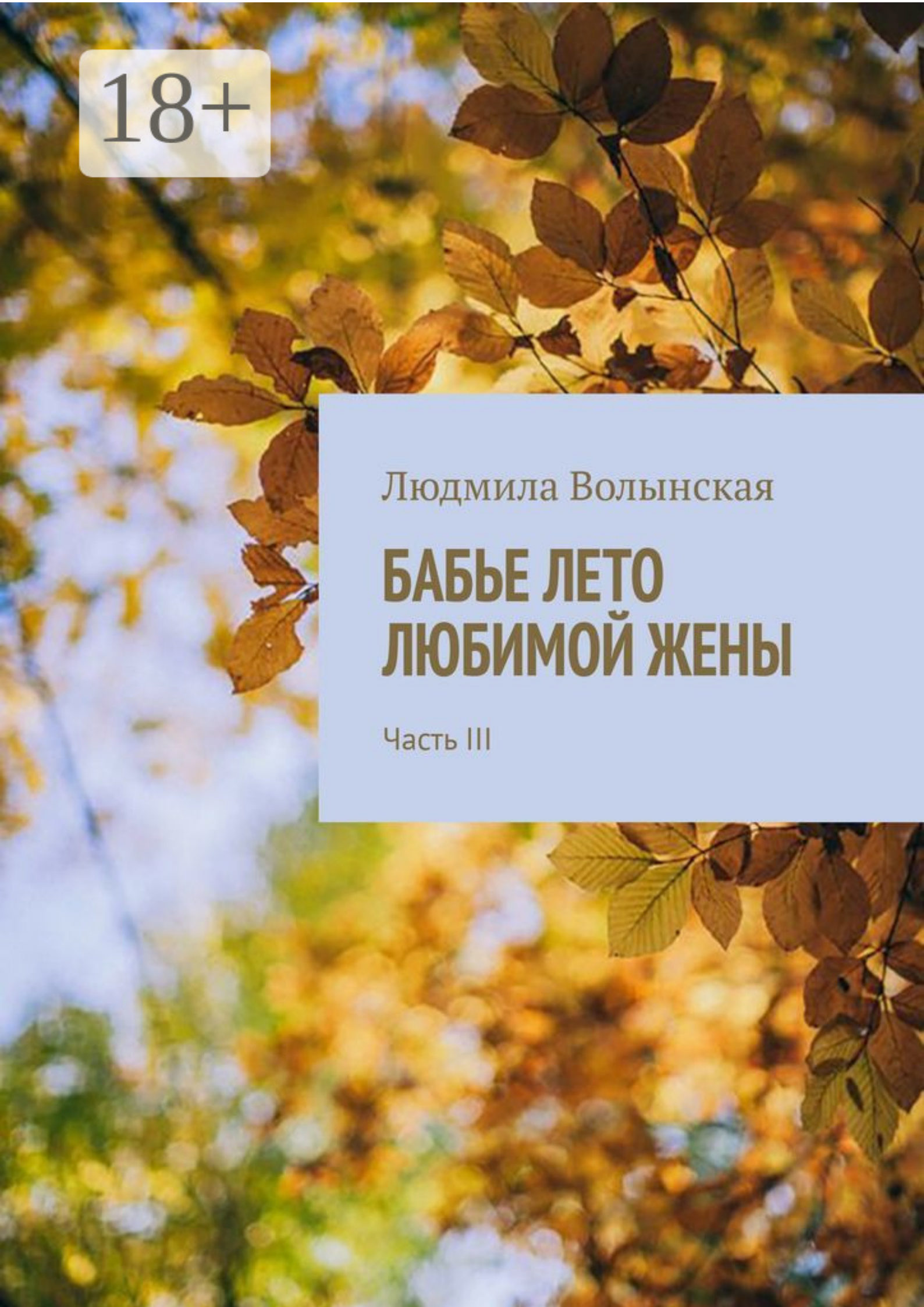

Людмила Волынская

БАБЬЕ ЛЕТО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЫ

Часть III

Людмила Волынская

Бабье лето любимой жены. Часть III

«Издательские решения»

Волынская Л.

Бабье лето любимой жены. Часть III / Л. Волынская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561302-8

Роман в пяти частях.Лихие 90-е лихо заправляли человеческими судьбами, выбивая из-под ног привычную почву, разбивая прежние взгляды, разрывая ранее прочные связи. Сорокалетней героине в полной мере довелось познать тяготы нищеты, боль от предательства мужа и потери родных людей. Вкус к жизни вернуло увлечение молодым человеком, но сложившаяся жизненная ситуация постепенно разрушала слаженность их семейной жизни. Однако, ей, окончательно разуверившейся в жизни, судьба все же дала третий шанс.

ISBN 978-5-00-561302-8

© Волынская Л.
© Издательские решения

Содержание

Ч А С Т Ь 3 6
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Бабье лето любимой жены
Часть III

Людмила Волынская

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения случайны

© Людмила Волынская, 2022

ISBN 978-5-0056-1302-8 (т. 3)
ISBN 978-5-0056-1303-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 3
1

Стоя у окна, Лиза смотрела, как снег заметает землю белым пухом. Жизнь вновь начиналась с чистого листа.

На прошлой неделе, взвесив все «за» и «против», она решила принять предложение отца и позвонила родителям. До сих пор в голове звучали мамины слова. Оказалось, на обратном пути у них случилась авария. Арсений Иванович у сватов угостился. Слегка пригубил, но годы-то уже не те. «Лежит теперь с переломом голени. Сам с ума сходит и меня со свету сживает, – жаловалась мама. – Не приезжай пока. Не поверит он мне, скажет, что я пожаловалась. Помочь, ты ничем не поможешь. Он и меня к себе не подпускает. Петрович сиделку нашел и кровать из травматологии привез. С утра до ночи ворчит – все ему не так».

Пришлось идти по проторенной дорожке – на рынок. И получилось, как в поговорке: «на ловца и зверь бежит». Люсина подруга Света тотчас предложила: «Иди пока ко мне. Я замуж вышла, муж мне работу нашел, чтоб здесь не мерзла. Товар надо распродать».

Но планам ее не суждено было сбыться. Все разрешилось нежданно-негаданно, когда Руслан пришел за своими вещами. Завидев его, Малыш оживился. Да и тот, поглаживая пса по загривку, был непривычно разговорчив. И от предложенной тарелки супа не отказался.

– Привык к твоей еде, – с аппетитом уплетая суп, заметил он, – тебе бы поваром работать.

– Пошла бы, да не берут, – с напускной беззаботностью пошутила Лиза, глядя, как он встает из-за стола. – Опять на рынок пойду.

Тень озабоченности омрачила его лицо.

– Плохо одной. Мужа надо. В бар пойдешь? – неожиданно выпалил он.

– Зачем? – изумилась она.

– Посуду мыть, – ответил Руслан, не сводя с нее серьезного взгляда. Заметив шок в ее глазах, он добавил своим привычным мрачноватым тоном: – Тепло, себя и собаку накормишь.

Где-то признавая его правоту, она все же не могла представить себя еще и в роли посудомойки.

– Вот уж где хорошего мужа можно найти, так это в наших забегаловках, – убирая со стола, проворчала она.

– Зачем так говоришь?! – вспылил Руслан. – Ты видела? Не забегаловка это. Хозяин хороший, никто не обидит.

Лиза задумалась: «Зимой на рынке не сахар, только проблем себе добавишь. А бар, что? Не хуже домработницы. Отец поправится, там видно будет». И согласилась.

– Пошли, – не давая ей времени на раздумье, поторопил ее Руслан. – Спешить надо. Святое место пустым не бывает, – неудачно блеснул он знанием народного фольклора.

Город превратился в зимнюю сказку. Все вокруг дышало первозданной, не ослепительной, а мягкой белизной и покоем. А снег все падал и падал. Ветра не было, снежные хлопья мягко стелились под ноги.

Узнав от Руслана, где находится этот бар, Лиза вспомнила, что раньше ежедневно проезжала мимо него на работу. За этим кафе еще с советских времен закрепилась дурная слава. Вывеска там менялась не единожды. То фотоателье там открывали, то бильярдную. Не менялся только его облезлый вид.

Сейчас все поменялось. Низ здания с некогда ободранной штукатуркой на расписанных стенах был волнообразно выложен отделочным камнем. Стены были мастерски обновлены, старые окна были заменены новыми с тонированными стеклами. И дорожка, и выложенная

плиткой парковочная площадка, были аккуратно расчищены. Чувствовалась умелая хозяйская рука.

Минуя гардеробную и кухню, войдя через узкий коридор в зал, Лиза тотчас поняла, что хозяин развернулся основательно. Зал скорее походил на зал небольшого уютного ресторанчика с роскошными пальмами по углам и столиками под белоснежными скатертями.

Вскоре Руслан скрылся за небольшой, находившейся за барной стойкой дверью. Краем глаза она заметила там еще один зал. Застыв у порога, она смотрела, как бармен, время от времени поглядывая в ее сторону, старательно протирал бокалы. Через несколько минут со стопкой тарелок вошла молодая длинноногая девушка. На ней была надета белоснежная блузка и короткая синяя юбка. Походя взглянув на Лизу, девушка поставила тарелки на столик и стала о чем-то шептаться с барменом. Стоя с чувством нарастающей неловкости, Лиза считала, что шептались они про нее. Что она делает здесь? Она, дочь секретаря райкома, жена успешного бизнесмена, с высшим образованием, любящая мать и добропорядочная женщина сейчас скромно стоит в уголке с жалким видом просительницы… чего? Места посудомойки. До чего она дожилась? Кем стала теперь? Даже девушку, и ту не заинтересовала, словно и не женщиной была, а так, ни то ни се, место пустое. Да, да, именно, ни то ни се… Вот, наконец, и отыскалось для нее подходящее слово.

Если бы Руслан открыл дверь минутой позже, скорее всего, он ее здесь не застал бы. Но судьба не зря стучится в дверь, а открывает ее и подавно по своему капризу. Поманив ее рукой, Руслан сам пошел ей навстречу.

– Тебе повезло, хозяин на месте. Видеть тебя хочет. Я на улице подожду, – сказал он, подходя к барной стойке.

Войдя в небольшой зал, Лиза тотчас забыла и про Руслана, и про свои навязчивые мысли. Зал этот был всего на три столика. Большие зеркала на стенах зрительно увеличивали его размеры, а нарядные бра в форме подсвечников придавали ему торжественности. Но внимание ее приковал сидящий за столом перед калькулятором поджарый смуглолицый мужчина кавказской национальности. Собственно, не так он сам, как его взгляд. Многое выражали его глаза – понимание, мудрость, суровость и еще… тоску. Впрочем, если бы не магическая сила этого взгляда, его можно было бы определить одним словом – заинтересованность.

Отодвинув калькулятор, мужчина сомкнул пальцы рук, словно пытался прикрыть лежащие на столе документы.

– Присаживайся, – с еле заметным акцентом хрипловатым голосом сказал он.

Ответив коротким кивком на ее приветствие, он смотрел, как она садилась. Кожей ощущала она его цепкий взгляд.

– Хочешь у меня работать? – без предисловий спросил он.

– Хочу, – так же коротко ответила Лиза.

– Меня Нодаром зовут, – отрекомендовался он и, предвидя ее вопрос, лениво махнул рукой. – Просто Нодар. Все так зовут.

– Лиза, – немного смущенная этой простотой, в свою очередь отрекомендовалась она, вызвав у него добродушную улыбку.

– Паспорт с тобой? Или трудовая? Ну, что-нибудь,… – спросил он.

– Нет, – растерялась Лиза, – я вообще не знала, свободно ли место.

Нодар задумался.

– Давай, так сделаем. Пойди на кухню, тебе расскажут, что и как. Если подойдет, вернешься, тогда и поговорим. Если нет, – пожал он плечами, – я никого не держу.

Она согласилась. Кухня оказалась большой и светлой. Справа от двери находилась двойная мойка, соединенная с длинным столом. По другую сторону тоже находился стол с несколькими микроволновыми печами, холодильники, морозильные камеры, над ними настенные

шкафы, напротив – плита с духовкой и стол с разделочной доской, на которой длинноногая девушка нарезала хлеб.

Сейчас при виде Лизы глаза ее весело блеснули. Каштановые волосы ее, схваченные в хвост чуть ли не на самой макушке, открывали ее в меру большой выпуклый лоб, придавая выразительности ее большим светло карим глазам. Матовая кожа ее казалась бархатистой. Губы ее были красиво, но не броско очерчены карандашом.

Вторая девушка, поменьше ростом, такая же стройная, заметно проигрывала во внешности своей напарнице. Ее бледное личико, обрамленное светлыми волосами, было покрыто веснушками. Глаза неопределенного цвета казались словно выцветшими. При виде Лизы она замерла, словно дикий зверек в предчувствии опасности. Неизвестно почему Лиза сразу почувствовала симпатию к первой девушке.

Она же первая и обратилась к Лизе:

– Значит, ты и есть новая посудомойка? – запросто спросила она. – Я – Лена, она – Вика. А ты – Лиза, мы уже знаем.

– Хозяин сказал, что вы меня проинструктируете здесь, – пытаясь выглядеть как можно естественнее, произнесла Лиза.

– А что здесь инструктировать? Как посуду мыть? Ну и пол на кухне подтереть иногда. По утрам сюда приходит уборщица, стирку забирает. Но за день всякое случается, иногда приходится самим шваброй помахать. Моющие средства в кладовке за гардеробной, там же швабры и все такое. Сама увидишь. Вообще-то, здесь одетым находиться нельзя. Работать-то, когда начнешь? – невзирая на разницу в возрасте, спрашивала Лена.

– Если я ему подойду, завтра и начну.

– Еще бы ты ему не подошла, – криво ухмыльнулась Лена, – а нет, пусть сам посуду моет.

– Больно ты умная, – уколола ее Вика, – не за спасибо же ты моешь?

– А я не робот, – огрызнулась Лена, – и без того как волчок вертишься. Иди, выясняй, не тяни только, – по-деловому сказала она Лизе.

Задетая такой фамильярностью, Лиза кивнула и пошла к Нодару. В двух словах определив график ее работы, он назвал причитающуюся ей сумму. Это было лучше, чем ничего. Заметив ее колебание, Нодар объяснил, что здесь же она может и поесть, никому в рот он, в конце концов, не заглядывает. Рабочий график – неделю через неделю. На работе надо быть к двенадцати, но часов до шести, как правило, работы больше у бармена, так что зарплата вполне соответствует занятости. Закрывают они обычно в одиннадцать. Охрана свое дело знает, так что допоздна здесь никто не засиживается. Впрочем, и без его доводов Лиза согласилась, потому что и сама считать умела.

Выйдя на улицу, она увидела со спины Руслана, разговаривающего с высоким стройным мужчиной. Его черные кудри и проникновенный слегка прищуренный взгляд невольно привлекли ее внимание. Прекрасно зная себе цену, он и держался соответственно – стоял, широко расставив ноги, оттопыривая руками карманы поношенной куртки. По всему было видно, что такая малость, как изрядно потертые джинсы и стоптанные ботинки, была для него несущественна.

Руслан оглянулся на скрип двери.

– Решили? – спросил он, когда Лиза подошла к ним.

Под прицелом ироничного взгляда незнакомца Лиза ощутила неловкость за свой неухоженный вид и предстоящую, чего уж греха таить, эту работу.

– Не знаю, – с досадой ответила она, – работать надо допоздна, с Малышом некому будет гулять.

Руслан задумался. Повернувшись к собеседнику, он спросил:

– У тебя пацана знакомого нет?

Мужчина перевел на Руслана заинтересованный взгляд.

– Смотря зачем, – ответил он, – а что отец? – обратился он к Лизе.

– Чей… отец? – недоуменно уставилась на него Лиза.

– Малыша, чей же, – чувствуя подвох, насторожился незнакомец.

– Да я и матери-то его не знаю, – в замешательстве ответила она.

Напряженно следивший за их диалогом Руслан первым сообразил:

– Эй, ты! Собака это! – хлопнул он по плечу собеседника, да так, что тот отшатнулся.

– Это пса малышом зовут? – с недоумением спросил незнакомец. – Надо же до такого додуматься?…

– Ты бы его видел! Не пес, а слон.

– И кто с таким сладит? – развеял оптимизм Руслана собеседник.

– Слушай, сутра погуляешь, потом после работы, – Руслан принялся переубеждать Лизу. – Соглашайся.

– Я, пожалуй, соглашусь, – подумав, ответила она.

– Тогда познакомимся, – улучив удобный момент, ввернул незнакомец, – Андрей, тоже здесь работаю.

– Управляющий, – щегольнул Руслан и для пущей важности добавил: – Правая рука хозяина.

Андрей лишь иронично ухмыльнулся.

– Лиза, – не в силах подавить смятение, представилась она.

– Можно сразу на «ты»? Так проще, – предупредительно спросил Андрей.

– Да, – не зная, куда деваться от его дурманящего взгляда, согласилась Лиза.

Неизвестно сколько бы они здесь стояли, если бы Нодар не окликнул своего помощника.

Кивнув ей на прощание, они втроем сели в машину. Лиза не спеша пошла домой. Странно, теперь все вокруг почему-то казалось ей другим, словно наполнилось новым смыслом. Куда бы она ни бросила взгляд – на дома, на проходящих мимо людей, на вереницу спешащих автомобилей – все это было наполнено присутствием одного-единственного человека, с которым всего несколько минут назад свела ее судьба. На сердце было так легко, как не было до этого долгие годы. Все так же плавно кружились невесомые снежинки, но это были уже другие снежинки – они слетали с небес в мир, в котором жил этот почти незнакомый ей человек. Лизе вдруг так захотелось почувствовать их мягкое прикосновение, что она невольно подставила им ладонь.

2

Пожалуй, именно с того дня Лиза почувствовала, что жизнь ее повернула в новое русло, словно судьбе надоело удерживать ее в тихой заводи, и она отпустила поводья, лениво наблюдая за тем, что изо всего этого получится.

Вернувшись домой, Лиза вывела на прогулку Малыша, до такой степени ей хотелось продлить это ощущение легкости и новизны, уменьшающееся дома до еле ощутимых размеров. Проходя мимо зеркала в передней, она то и дело гляделась в него. Когда она в последний раз переживала из-за своей внешности? Должно быть, еще в той, прошлой жизни.

«Себя не обмануть», – думала она, внимательно рассматривая свое отражение в зеркале. Закрученный узел седых волос, потухший взгляд, плотно сомкнутые губы, темные тени под глазами… «Необратимый процесс», – с сожалением вздыхала она, ища подаренный Люсей восстановитель для волос и заброшенную за ненадобностью импортную косметику. Обследовав свой гардероб, она выбрала пару подходящих вещей (чтобы не выглядеть тусклым пятном на фоне цветущей молодости).

«Ну такое,… – скисла она, глядя на плоды своих стараний, – серая мышка в старых одежках». И около полуночи, словно боясь, как бы мечты ее окончательно не превратились в тыкву, а сама она – в старую крысу, она отправилась на боковую.

В первую неделю своей работы Лиза поняла, что, заняв здесь скромное место посудомойки, она стала частью единого целого, которое составляли не только хозяин, управляющий и официантки, но и охранники (по совместительству – гардеробщики и вышибалы), музыканты, а также уборщица. Оно было чем-то вроде живого организма. Ни на одной из предыдущих работ этого не было.

В доме Сергея Петровича главенствовала его семья, которая и представляла собой единственный полноправный организм. Остальные беспрекословно подчинялись ему.

На рынке и того проще – там в огромном котле, в ежедневно замешиваемом вареве товарно-денежных отношений каждый варился сам по себе. Разве что для удобства процесса выстраивались кратковременные связи, вроде: хозяин – продавец.

Здесь же все было по-другому. Главенствующей руки хозяина почти не ощущалось. По утрам, не глядя по сторонам, коротко кивая при встрече, он с озабоченным видом проходил к себе в кабинет. Говорил он коротко, тихо, подавляя работников уже одним своим присутствием. Андрей появлялся здесь по утрам нечасто. Убедившись, что все в порядке и расспросив, не надо ли чего, он подолгу здесь не задерживался.

С первых же дней внимание ее привлекла к себе уборщица Клавдия Васильевна, женщина шестидесяти лет. Несловоохотливая, неприметная, она добросовестно исполняла свою работу. К двенадцати часам везде были чистота и порядок. В ожидании причитающейся «пайки» она тихо сидела в уголке, покорно положив на колени свои натруженные руки. «Кухня» как таковая была здесь упразднена, поэтому самим приходилось запекать, нарезать, разогревать и накладывать. Старались все. Клиент – прежде всего. А дальше как пойдет.

Вспоминая былые времена, Клавдия Васильевна рассказывала, что раньше здесь работали две женщины постарше. Одна жарила чебуреки, вторая была на раздаче. Хорошо они шли под пиво да под водочку. Жаль, дохода мало приносили. Вот хозяин и решил переделать все по новой моде. В зале красоту навел, бар с разными бутылками. На одни наклейки глянешь, и не захочешь, выпьешь. Кофе там, разные коктейли делают. И бутерброды, если побыстрому перехватить. Что их там слепить? Ей и самой не раз приходилось девчонок выручать. Намажь соус на хлеб, придави куском колбасы или красной рыбки, сырком потри или лучком посыпь, разогрей – пальчики оближешь. Девчонки научились подавать красиво, вроде не хлеб с колбасой, а незнамо какое диво. Под такую закуску не одну соточку потянешь. На соточках бар и вытягивает. А вечером, когда гульный клиент приходит, ему горячее подавай. Здесь уж в ход идут салаты, картошка, колбаски разные и куриные ножки. И названия хитрые им придумали. Раньше, что? Чебурек, он и есть чебурек. А сейчас – «деревенский сюрприз», «мясная тарелка», «весенняя фантазия». Хозяин дома соус готовит. Андрей окорочка привозит, здесь запекают. Бар лампочками украсил. Когда-то цирк приезжал, на нем так же лампочки мигали. Где сверкает и играет, туда народ и прет. Правда, новый клиент проблемный пошел, с гонором. Он тебе сто рублей бросит, а нервов сделает на тыщу. Летом работы больше. Столы под зонтиками ставят. Качели для детей. Мороженое всякое, пирожное. Только успевай. Хозяин на летнее время еще двух официанток берет. Там у них свой цирк начинается: что не вечер, то скандал. А наше дело маленькое. Что скажут, то и делаем. Лишь бы платили.

Дождавшись обеда, Клавдия Васильевна с молчаливой покорностью приступала к трапезе. Ела она не спеша, шамкая своим беззубым ртом. Хлеб размачивала в горячем чае и несколько завернутых в салфетку кусочков неизменно прятала в сумку. Рабочий день ее всякий раз заканчивался одними и те ми же словами: «Давайте, девчонки, на перекур. Приберусь тут маленько, чтобы вам меньше работы было». И пока девчонки болтали с охранником, или о своем, о девичьем, та ловко водила шваброй по полу, складывала в узел восемь скатертей

и, прихватив пару кусочков хлеба, шла восвояси. Официантки о ней худого слова не сказали, хоть ко всему остальному претензий у них было предостаточно. Улучив момент, когда они остались одни, словоохотливая Вика сказала, что Нодар привел ее с улицы, где та попрошайничала, когда зять выгнал ее из квартиры.

– А Нодар здесь при чем? – удивилась Лиза.

– Не знаю, но вселил ее обратно, – многозначительно кивнула Вика. – Теперь все до копейки зятьку отдает. Еще и объесть боится. Хлеб, и тот домой прихватывает.

– Тебя не объела? – одернула ее вошедшая Лена. – Вот и помалкивай. Все мы тут с улицы. Приют блатных и нищих…

– А ты мне не указывай, – фыркнула Вика в ответ. – Сегодня ты в фаворе, а завтра в заднице, – пытаясь склонить Лизу на свою сторону, она продолжала, – говорят, что зять ее – бандит, из тех, что деньги с народа берут. Для них все равно, что свои, что чужие.

Эти слова насторожили Лизу. Мало-помалу привыкнув к Руслану, она перестала его опасаться. А ведь он тоже снимал с торгашей дань. Получалось – и Нодар этот, и Андрей были связаны с криминалом. Так вот куда занесла ее нелегкая. Не зря, видно, Лена держала язык за зубами.

Может, потому, приводя с собой гостей, Нодар обращался с заказом исключительно к Лене.

Несмотря на Викину услужливость, Лена ей больше глянулась. И живее она была, и красивее. Под стать молодому управляющему. Однако в их общении не было даже намека на скрытые отношения.

Впрочем, недели через две выяснилась и причина такого безразличия, когда на кухню к ним заглянула ухоженная женщина бальзаковского возраста. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не слегка выступающая нижняя челюсть.

– Мой Андрюша не у вас? – приоткрыв дверь, промурлыкала она.

Услышав знакомое имя, Лиза резко повернулась, что не укрылось от ее внимания. Пройдясь по Лизе оценивающим взглядом, словно прикидывая, потянет ли новенькая на соперницу, она мягко вонзила в Лену свои коготки. Брысьнув глазами, Лена отрезала:

– У нас. Под столом сидит.

Гостья фыркнула и, спрятав коготки, закрыла дверь.

– Твой, твой, – нарезая хлеб, недовольно проворчала Вика, – кто бы сомневался.

Улучив момент, Лиза рискнула спросить:

– Это его жена?

– Кто, Марта? – переспросила Вика. – Ездовая кобыла. Ревнивая, жуть. Следит, чтобы он на Ленку не запал, по вечерам его подкарауливает, или в зале торчит. Видно, богатая.

– Деньгами мужчину не удержишь, да и на альфонса он не похож, – заметила Лиза.

– На кобеля он похож, – продолжала откровенничать Вика, – только его никто не удержит. Он же, того, – она похлопала ладонью по голове, – контуженный. С ним надо на цырлах ходить.

Лиза перевела на нее удивленный взгляд.

– Да, – кивнула Вика, – он в Афгане служил. Говорят, они все такие.

Сам же «контуженный» выглядел вполне адекватным. По вечерам, освободившись от гнета рутинных дел, настроен он был более благодушно. Не отвечая ни за что конкретно, он тем не менее отвечал за все, поэтому приходилось везде «отметиться»: поговорить с охранниками, с барменом, критично оценить обстановку. С официантками у него установились панибратские отношения. Принимая заказы, он с ленивой снисходительностью выслушивал их бесконечные претензии и девчоночьи междоусобицы. С чем бы к нему ни обратились, у него на все был один ответ: «Я тебе что, стекольщик? Я тебе что, слесарь? Разбирайтесь сами». Всякий раз при этом он протягивал деньги со словами: «Вызови мастера. Приду, проверю. Сдачу оставь себе». Отстегивал он, видно, прилично, так как ни разу не получил отказа. К причудам

не переходивших запретную черту поддатых личностей он относился лояльно. Точек пересечения, кроме разве что короткого приветствия, у него не было лишь с посудомойкой.

Впрочем, однажды они пересеклись, да так, что лучше было не вспоминать. Время от времени слыша доносившиеся из кладовки странные звуки, Лиза заподозрила, что там завелись крысы. Стараясь заходить туда как можно реже, она запасалась всем необходимым впрок. Но однажды она столкнулась-таки с двумя «мышами», непонятно как изловчившимися там уместиться. Открыв дверь, она уперлась взглядом в пристроившегося к Ленке мужика. На миг замерев от шока, она хлопнула дверью и вернулась на кухню. Наблюдательная Вика, заподозрив неладное, выбежала в коридор. Пытаясь снять напряжение, Лиза начала сортировать посуду. С мыслями не складывалось, со временем, видимо, тоже. Вскоре или не вскоре она услышала голоса Нодара и Андрея. Замерев, прислушивалась она к обрывкам их разговора. «Это не в первый раз, Андрей. Не в первый», – говорил Нодар. «Я что, полиция нравов, чтобы их выслеживать, – отвечал Андрей. – Не было раньше секса. Вот и прет теперь мужика за все бесцельно прожитые годы». «Пусть прет в другом месте. Человек к нам устроился, подумает всякое», – удаляясь, настаивал на своем Нодар. «А человек здесь, вообще, кто?» – съязвил Андрей. «Вообще-то, женщина, – послышался отдаленный голос Нодара. – И ты здесь, вообще-то, за порядком следишь. Ты моя права рука или чиряк на заднице?» Видно, слова хозяина не особо задели Андрея, так как вскоре он окликнул Вику: «Эй, моралистка! Подь сюды! Че кипишуешь?! Завидуй молча. А хочешь, выручу. Говорят, у меня неплохо получается». «Моралистка» не успела ответить, так как снова раздался голос Нодара: «Работать! Где эта коза? Скажи ей – еще раз увижу, внесу в черный список». «Вноси, я еще за ней не бегал. У меня и так никакой личной жизни. То там, то здесь». «Не больно ты к ней и рвешься». «Рвусь всей душой, но долг не позволяет», – пошутил Андрей. «Потерпи, мой мальчик, – тепло по-отечески сказал Нодар, – я же тебя иногда подменяю». «Так я и не в претензии», – ответил Андрей, открывая дверь на кухню.

Лиза невольно повернулась на звук открываемой двери, но, встретившись с его взглядом, снова принялась за работу.

– Испугалась? – не собираясь проходить дальше, уперся он спиной в стену.

– Нет слов, – коротко ответила она, давая понять, что не собирается обсуждать это непотребство.

– Не думай о ней плохо, – заметив ее настрой, произнес он. – Она с виду бойкая, а дома проблема на проблеме. Этот козел ей денег дает, ну и тащит под занавес в темный угол. По-другому, видно, полшестого.

Выдавив последние капли обезжиривателя, Лиза с досадой ударила губкой о дно мойки и резко повернулась.

– Никого я не осуждаю, – в сердцах ответила она. – А что я думаю, это мое дело. Многих жизнь переломала через колено. Но это не тот случай, чтобы опускаться до скотства. Хватает у нее денег на себя любимую. А то что больше хочется, так это теперь сплошь и рядом. Чему удивляться?

Не ожидая от нее такого выпада, он коротко ответил:

– Понятно.

Видя, что перегнула палку, Лиза мягче добавила:

– Я там крысиный яд положила. Надо убрать, не то еще отравятся.

– Зачем?

– Думала, крысы завелись.

– Че ж мне не сказала?

– Чтобы услышать, что ты не крысолов?

– Я пофигист, – добродушно ответил он, – иначе бы мозгами поехал.

Когда за ним закрылась дверь, Лиза замерла, упершись руками в края мойки. Тупо глядя на губку, она решала, стоит ли сейчас идти в кладовку. Дверь резко открыли, и на кухню с победоносным видом вошла Вика.

– Держи! – протянула она Лизе бутыль с обезжиривателем. – Все! Закрылась лавочка!

– Ты знала?! – негодующе воскликнула Лиза.

– А кто не знал? Скажи я тебе, ты бы первая на меня косо смотрела.

– А Нодар?

– Его не разберешь. У него своих проблем хватает. Каждую копейку считает. Половину на сторону отстегивает, а половина в своем дерьме тонет. И Ленку из-за гостей терпит. Мужики красоту любят, она и пользуется. Превратила кабак в бордель. Пойду, посуду соберу. Красава наша умчалась, роняя тапки, – с этими словами она скрылась за дверью. Но вскоре вернулась с подносом грязной посуды и принялась счищать с тарелок объедки. – Хорошо, что под конец. Хоть я и без нее справлялась. Вот скажи, она хоть раз тебе помогла? Она ни с кем не считается. Та смена дружнее, я как-то работала с ними. Делятся друг с другом. А этой одной деньги нужны. Стреляет глазами по мужикам, кто бы в карман положил. Андрей тоже знал, что она с папой Карло в каморку бегала. Но молчал, потому что безотказная. Хоть сам не просил. Что он, на помойке себя нашел? А мне сегодня предложил, – с заговорщицким видом похвасталась она. – Знает, что отказала бы, но предложил, – она поставила тарелки в мойку и тыльной стороной ладони убрала нависшую на глаза прядь волос. – Пойду, остальное заберу.

«Совсем она глупая, что ли?» – подумала Лиза, оставшись одна, но не могла не признать, что Вика ей действительно иногда помогала. А она, больно умная, считала, что так и надо.

На следующий день Лена первая об этом заговорила: «Нодар извиниться велел, – не отводя глаз, прямо сказала она. – Думай что хочешь, но извиняться не буду. На моей шее мамела и пацанята близняшки. Нагуляла неизвестно от кого. Родила и лежит теперь – бревно бревном. Ей памперсы нужны, и детям, объясни попробуй, почему у других есть, а у них нет. Может, еще и будет. Но я, пока их выращу, старухой стану. Сочувствие мы проходили. А помочь не могут, потому что у самих денег нет. Вот она, вся моя красивая жизнь, перед тобой». Говорила она буднично и сухо, без надрыва, без боли. Глядя на нее, Лиза машинально опустилась на стул рядом с Клавдией Васильевной. «Правда, правда, – размачивая в чае корочку хлеба, закивала та. – Андрюша ей курей приносит и шутит всегда: „Ленка, твои пацаны еще не закукарекали?“. Зять на днях гуманитаркой разжился, Ленке дал. Что не подойдет, продаст, – заметив ее удивление, женщина ухмыльнулась. – Так-то он мужик неплохой, но когда напьется, не приведи Господи, буйным становится. Вика у верующих памперсы берет. У них для своих бесплатно. Вырастим пацанов, Ленку замуж отдадим. Нодар сказал – здесь гулять будем. Сам стол накроет». «Ага, – приступая к работе, вздохнула Ленка, – когда рак на горе свистнет». «При чем здесь рак? – не выдержала Вика. – Помогают, а ты не ценишь. Все тебе мало. Правда, баба Клава? – повернулась она за поддержкой к уборщице. – Вроде другие в деньгах купаются!» «Не купаются, – огрызнулась Ленка, – а только спят и видят, как бы все им досталось. Денно и нощно поклоны своему богу бьют!» «Курва! – в ответ брызнула обидой Вика. – Как твоя мамаша, и закончишь так же!» Услышав крики, на кухню заглянул Нодар. Зыркнув на уборщику и посудомойку, он перевел хмурый взгляд на цапающихся официанток, плюнул и грюкнул дверью. Никто не удивился. Начинался обычный рабочий день.

Вскоре про этот инцидент забыли. Вернее, не вспоминали. И без того набиралось по мелочи. Да и саму ее будоражили иные мысли. Занимаясь своими делами и пытаясь разобраться, что так привлекало ее в этом человеке, краем глаза она продолжала наблюдать за Андреем. И всякий раз заходила в тупик. Изредка, пока музыканты трапезничали, он садился в уголке и, задумчиво перебирая пальцами на гитаре, тихо напевал одну и ту же песню: «А глаза большие голубые-голубые говорили, говорили, что ее любили… Осень улыбалась, радовалась осень…» Иногда он подсаживался к ним. Шум воды мешал Лизе расслышать их

разговор. Но она замечала, как менялось при этом его лицо – то оно становилось заинтересованным, то оживленно-веселым.

Музыканты – двое двадцатилетних ребят, воспринимающих людей сквозь призму денег, были ей симпатичны. Чем щедрее им платили, тем больше они старались. В перерыве они с ленцой попивали пиво или молча ели.

Однажды Андрей привел к ним молодого паренька. Лиза как раз закончила мыть очередную партию посуды. Поприветствовав всех, он обратился к музыкантам:

– Принимайте пополнение.

Не оперившееся «пополнение» с серьгами в ухе, с выкрашенной в немыслимый цвет взлохмаченной шевелюрой изо всех сил старалось сойти за своего.

– Говорят, жутко талантливый, на саксе играет, – Андрей подсел к ребятам.

– А здесь его талант на фиг сдался? – кивнул в сторону застывшего в напряженном ожидании конкурента, спросил клавишник.

– Сдался не сдался, а хозяин велел взять, – ответил Андрей, наливая пиво. Повернувшись к Лизе, он спросил:

– Что скажешь?

От неожиданности она смутилась. Со дня их знакомства он впервые обратился к ней явно намеренно, своим безобидным вопросом попав в цель. От него не укрылось ее смущение.

– Не мне же с ним играть, – справившись с замешательством, ответила она.

Центром всеобщего внимания сейчас был молодой талант.

– Боюсь, ребятки, он вам всю публику распугает, – оценивающе заметила Вика. – Приведите его в божеский вид, не то немому будет оценивать его талант.

Видя, как стушевался парень, Андрей улыбнулся.

– Пойди, сбацай что-нибудь, чтоб народ не скучал, – взглядом указал он на зал.

– Что? – растерялся парень.

– Мурку, – рассмеялся Андрей. – Что хочешь, лишь бы понравилось.

– Лады, – согласился парень и, захватив с собой зачехленный саксофон, направился в зал.

Все ждали продолжения: официантки – с насмешкой, музыканты – напряженно, Андрей – с интересом.

Внезапно томный протяжный звук, вспоров тишину, медленно взвился вверх, плавно закружил по залу, вкрадчиво проникая в душу, трансформируя в ней звуки в сладостные, волнующие чувства. Все превратились в слух. Словно невзначай оборвавшись, он оставил всех во власти волшебной мелодии.

Когда парень вернулся все с тем же застенчиво напряженным видом, всем показалось, что бог сошел с небес.

– Ну вот, – пытаясь поддержать его, Лиза нарушила неловкую тишину, – теперь у вас свой Гато Барбьери.

Все плавно повернулись к ней, словно удивляясь, что посудомойка может разбираться в чем-то, кроме грязной посуды. Лишь молодой саксофонист ответил ей благодарным взглядом.

– Не сцы, пацан, прорвемся, – Андрей похлопал парня по плечу, – лабай, раз взяли. Здесь разные дяди бывают. Будешь вести себя правильно, может, кто и намажет свой кусок масла на твой кусок хлеба.

После этого он подошел к Лизе и, наблюдая за ребятами со стороны, тихо спросил:

– Работы много?

– Как всегда, – с недоумением ответила она и, заметив быстрый Викин взгляд, спросила: – А что?

Также заметив напряженность официантки, он нервно ухмыльнулся:

– Про музыканта хотел спросить, – нарочито непринужденно ответил он.

– Про того или этого?… – не понимая, к чему он клонит, растерялась она.

– Того и этого, – с усмешкой ответил он и, махнув на прощание рукой, скрылся за дверью.

Проводя его взглядом, Вика заинтересованно спросила:

– Кто этот Барбарьеро? Такой же модник?

– Н-нет,… – сбитая с толку его словами, ответила Лиза, – саксофонист.

– А этот новенький здорово играет, – одобрительно оценила Вика. – Он твой знакомый?

– С чего ты взяла? – удивилась Лиза.

– Чего ж Андрей тебя про него спрашивал?

На кухню с подносом вошла Лена. Услышав часть разговора, она понятливо улыбнулась.

– А что он мог еще при тебе спросить?

– Что?… – по-прежнему недоумевая, резко повернулась к ней Лиза.

В ответ Лена лишь вздохнула, многозначительно покачивая головой.

К этому разговору, то ли забыв о нем, то ли потеряв интерес, он больше не возвращался. Временами она спиной ощущала его взгляд. Ее почему-то не покидало ощущение, что он украдкой присматривался к ней, хоть он ни разу не дал ей для этого повода. Сколько раз она стыдила себя за свою мечтательность, ведь у нее не было ни малейшего шанса завоевать внимание этого мужчины. Хуже всего было то, что он был моложе ее. Этот его «недостаток» был, увы, неисправим. Но стоило ей о нем подумать, как вопреки ее воле сердце пускалось в пляс.

Впрочем, думала она о нем отнюдь не весь день. Те несколько часов напряженной работы, о которой говорил Нодар, с лихвой перекрывали предыдущие, когда все они могли позволить себе работать вполсилы. У девушек хватало времени и покурить, и кофе выпить, и о жизни посудачить. Когда Нодар зазывал к себе Лену, пытаясь скрыть досаду от собственной невостребованности, Вика демонстративно надевала очки и устраивалась в уголке с книгой. Впрочем, стоило Лене вернуться, наука уходила на задний план, и в ход шли бабьи инструменты – «языки».

Слыша их разговоры, Лиза ловила себя на том, что в них вместо понятия «нажить» преобладало понятие «выжить».

Вот и выживали, у кого как получалось, как бурьян вокруг прополотой клумбы, изо всех сил пытаясь походить на благородные растения.

Еще на рынке Лиза заметила, насколько люди, выброшенные судьбой на улицу, были жестче и бесцеремоннее, чем их бывшие собратья «по другую сторону баррикад». В этом мире царили другие законы, здесь всем заправляли деньги. Поэтому люди и не гнушались никаким трудом. И этот мир, как ни странно, казался ей честнее того мирка, в котором прожила большую часть своей жизни. Там не принято было обзывать и ругаться, там проще было уязвить в полголоса да исподтишка уколоть. Там не принято было бить в лицо, там съедали тихо, незаметно, игнорируя, сплетничая, подсиживая. Тем не менее это было больнее, потому что когда человека обвиняют прямо или даже бьют, он может тем же и ответить. Да и случалось это крайне редко. Простые люди терпимее друг к другу. Им и в голову не придет изощряться, чтобы унизить человека в угоду своим амбициям. Для них все проще – есть сегодня деньги, амбиции удовлетворены, а завтра – даст Бог день и даст Бог пищу.

Так же было и здесь. У каждого была своя работа и своя ответственность за нее, все недоразумения выяснялись тотчас, пусть и на повышенных тонах, но честно. Лизе нравилось работать с молодыми. Никто не лез ей в душу, никого не интересовала ее серая неприметная жизнь. Живет тетка одна, и ладно, в конце концов, это ее личное дело. Главное, не пристает к ним с нравоучениями, за что они и были к ней благосклонны. Сработались они довольно быстро, да и большого ума для этого не требовалось. Требовалось лишь желание, которое подстегивалось материальным вознаграждением. Обслуживаешь посетителя любезно и быстро, кладешь сдачу в карман, вот девушки и старались на совесть. Бармена кормила «ловкость рук» (и никакого мошенства). У охранников с барменом были свои счеты. Лизе же, знай свое дело, разбирайся

с горой грязной посуды безо всякого дополнительного стимула. Знала ведь, на что шла. Впрочем, в конце каждой рабочей недели ей щедро приплачивал сам хозяин, скупо объясняя при этом: «За работу». По вечерам ей некогда было повернуться, не то что слово сказать. Постепенно нарастающая тяжесть в ногах и в спине переходила в тупую ноющую боль. Вдобавок раздражала доносившаяся из зала гремевшая музыка, которую не в силах была приглушить ни закрытая дверь, ни мощный напор воды. Когда быстрая мелодия сменялась медленной, мысли ее уносились далеко, а руки машинально продолжали свою работу. Приятные звуки проникали в потаенные уголки ее памяти, вызывая приятные воспоминания. При этом она не раз ловила себя на том, что зачем-то сравнивает Вадима с понравившимся ей молодым человеком. Зачем? Ничего общего у них не было. Впрочем, вскоре Лиза перестала анализировать свои мысли, потому что они незаметно вышли из-под ее контроля. И она решила, что может позволить себе помечтать, пока однажды мечта не показала ей фигу.

Случилось это поздним вечером, когда она, уставшая, плелась домой, с тоской думая о том, что предстоит еще выгуливать бедного Малыша. То ли идущие за ней не узнали новую посудомойку, то ли им не было дела до других, разговаривали они на повышенных тонах.

Узнав голос Андрея, Лиза вся превратилась в слух.

– Какого черта ты торчишь здесь? – недовольно рыкнул он. – Жена ты мне?

– Тебе бы только издеваться. Дьявол, – в сердцах бросила женщина.

– Ну и найди себе ангела, – грубо отрезал Андрей.

– На Ленку запал?

– Нет, в посудомойку влюбился, – насмешливо ответил он.

Лиза сжалась от этих слов.

– Несчастная она какая-то, – без тени ревности заметила женщина.

– Руслан сказал – у нее сын умер.

– Что с ним случилось?

– Не знаю, не спрашивал. А Ленку не трожь, у нее без меня ухажеров хватает. К Вике ревнуй, она девушка свободная.

– И глупая, строит из себя училку.

– Что ей остается? Здесь ей ничего не светит, а жить красиво хочется.

– Меня не проведешь…

– Мозги включи, на кой мы друг другу?! – раздраженно сказал он.

– Ты душу выворачиваешь! – вспыхнула женщина. – Я тебе все отдала, а тебе мало.

– Так,… – Андрей резко оборвал поток женской обиды, – я просил? Мне тебя слишком много. Поняла? Мне в другую сторону.

– Ты еще посидишь в моей шкуре! – крикнула она ему вдогонку.

– Да пошла ты,… – донеслось издалека.

Нет, не грубость его так задела Лизу, а то, что ее саму он и вовсе не воспринимал как женщину. «Зачем мне это? Влюбилась непонятно в кого…» – корила она себя бессонной ночью за свою слабость. – Какая из нас пара?»

Оставалось наглухо закрыть подступы к своему сердцу, которое, впрочем, никто не собирался осаждать. Вместе с тем в ней ощетинилась женская гордость. И теперь всякий раз, стоило ему заговорить, она выпускала иглы. Заметив перемену, он как-то спросил: «Что ты такая колючая?» Она резко повернулась и ответила: «Уколоться боишься? Держись подальше, ничего и не случится». Когда, заглянув к ним поздним вечером, он попросил его покормить, Лиза снова бесцеремонно отрезала: «Я не официантка, а посудомойка». «Не улыбнешься никогда», – однажды заметил он и получил от нее в ответ: «Пусть тебе молодые улыбаются, у них жизнь веселее». Задетый таким отношением, он больше не пытался с ней заговаривать, чем упростил ей жизнь. Терзаемая неопределенностью, душа ее взмолилась о покое.

3

Здоровье отца пошло на поправку. Время от времени она звонила родителям, не особо распространяясь о переменах в жизни, всякий раз опасаясь, как бы отец не вернулся к своей идее с рестораном.

Люсе открыли визу. Вернувшись от свекрови, за день до своего отъезда она зазвала к себе Лизу на прощальный ужин. Хоть ей, уставшей после работы, было не до посиделок, отказать соседке было неудобно. Кто знает, когда еще свидятся, да и свидятся ли вообще… Расчувствовавшаяся Люся сделала реверанс в сторону Малыша. Тот в отличие от хозяйки оживился и в два прыжка очутился в Люсиной квартире. Оказавшись в незнакомом месте, пес всюду совал свой нос, но никто его не одергивал. Не до него было. Напряжение предстоящей разлуки, сменившее часы тягостного ожидания неизвестности, витало в воздухе. Обе безуспешно пытались скрыть тревогу за обыденностью фраз.

– Ты че такая вялая? – оглядываясь по сторонам, словно прикидывая, не забыла ли чего, спросил Люся.

– Устала после работы, – предвидя реакцию соседки, нехотя ответила Лиза.

И оказалась права. Узнав о ее новой работе, Люся с присущей ей простотой покрутила пальцем у виска.

– Ты что, мать, рехнулась? Такой работы сейчас – бери – не хочу!

– Поработаю зиму, там видно будет, – не вдаваясь в подробности, скупо ответила Лиза.

– Да будет тебе известно – нет ничего постояннее, чем временное, – пессимистично ответила Люся, открывая шкаф. – Че с собой брать-то? Там, говорят, зимы нет. Лишнее тащить не хочется.

Рассматривая яркие Люсины наряды, то и дело отталкивая вертящегося у ног Малыша, Лиза прикидывала, что можно посоветовать. Получалось – ничего.

– С твоим гардеробом в гарем к султану, – раздраженно заметила она, – была бы любимой женой. Хочешь, мое возьми.

– Мне твое на нос не налезет, – расстроилась Люся, – а с моим, что не так?

– Слишком броско, в Европе так не одеваются, – авторитетно заявила Лиза.

– Когда ты там была-то? – насмешливо хмыкнула соседка.

– А ты где была кроме Турции? – разозлилась Лиза. – Они и сами-то до наших челночниц такого маскарада не видывали.

Неожиданно получив отпуп, Люся притихла.

– Я не в том смысле, – извиняющимся тоном сказала она, – мода уже сто раз поменялась.

– Это стиль их жизни, – мягче ответила Лиза, – он не меняется. Возьми что-нибудь попроще, не ошибешься. И вообще, не зацикливайся на этом. Язык, это главное. Переймешь их уклад, тогда в любом наряде примут.

– Кончай ты эту демагогию, вроде я сама не понимаю. Жаль мне с тобой расставаться, – присев на краешек дивана, не сдержалась Люся.– Хоть мы и не подруги, но больше чем соседки.

– А с этой жизнью… не жаль? – польщенная словами соседки, расчувствовалась Лиза. – Здесь все привычное, родное.

Задумалась Люся.

– Родное, – вздохнула она. – А че в нем хорошего? Че я в деревне своей видела? Хозяйство, коровник, и летом на буряках спины гнули. Красивая жизнь только в клубе была. Думала – в городе по-другому, культурно. Так и получилось – сходим в кино раз в неделю, культурно проведем досуг. А в остальном – сплошные проблемы. Шмотки заграничные доставали, а колготки рваные зашивали. После работы мяса в магазине не купишь. Бегали с няней в тихий час в гастроном напротив садика. Сперва мать из деревни возила. Как увидела, что от нас помощи никакой, так и перестала. Юрке вынь да положь, а откуда мне брать, он не заморачи-

вался. Все за правдой по области мотался. Кому она сдалась, его правда? Разве что в туалете – задницу подтирать. Пошла на рынок, думала – сытнее жить станем. Деньги появились, а радости от них – никакой. Если честно, понимаю я Юрку. Интересно он жил, потому и не задумывался. А оказался не у дел и растерялся. Прежней жизни не вернуть, а новая не по душе. Так бывает. Но там ведь прижился? Видно, там люди по-другому живут. Может, и у меня получится? – с надеждой закончила она и переключилась на Лизу: – Я тебе тоже хочу сказать – если в баре своем найдешь кого-нибудь, будь проще. Не приставай ты со своими советами, их же ни один нормальный мужик не выдержит. В остальном ты не жена, а мечта.

Стоило Люсе наложить свою резолюцию, Лиза демонстративно отвернулась.

– Подумаешь, больно надо, – обидчиво проворчала она. – С чего ты взяла, что я там кого-то искать собираюсь?

– У меня в этом деле глаз-алмаз, – загадочно улыбнулась Люся и пошла на кухню. – Давай-ка мы с тобой посидим на дорожку, – донесся оттуда ее голос, – не будить же тебя в пять утра? И Манюне праздник устроим, чтобы запомнил меня, – обратилась она к Малышу.

Пес с завидной проворностью вбежал на кухню и уставился на нее преданным взглядом.

– Разбойник, – шутливо укорила его Люся, и Малыш виновато опустил голову. – Не обижайся, Манюня. Гляди, чего дам, – открыв холодильник, бросила она ему полдюжины сосисок.

Малыш в один присест расправился с угощением.

– Пусть ест. Останется, заберешь с собой, – нарезая колбасу, вела Люся. – Холодильник я разморозила, куда ж теперь все девать?

Вот так спонтанно у них получилось задушевное застолье. Вспомнили прожитые вместе годы, соседей, помянули Сережу. Сидя в небольшой кухоньке, из окна которой виднелся золотистый серп луны, слушая соседку и глядя на мирно лежащего рядом Малыша, Лиза думала о том, что самое сокровенное люди поверяют друг другу не тогда, когда готовятся к этому, а чаще всего безо всякого повода. И еще она с сожалением подумала, что скоро и такой малой радости будет лишена.

4

Неделя сменяла другую, зимние холода не единожды сменялись мокрым снегом, но у Лизы возникало странное ощущение, словно за этими переменами она наблюдает как бы со стороны. Вся она была как натянутая струна, как дикий зверь, воспринимающий робкое пробуждение природы на чувственном уровне. Она вбирала в себя пьянящие флюиды, которыми был пропитан воздух в предчувствии скорого прихода весны. Набухшие почки на оголенных ветвях, островки пожухлого снега, сбегающего тонкими ручейками вслед за уходящей зимой, солнечные лучи, дрожащие в ряби расплывшихся луж – все это предвещало, что не сегодня-завтра пролетят по небу перелетные птицы, громко приветствуя весну.

Если бы у Лизы была возможность сравнить себя нынешнюю с той, которая пришла устраиваться на работу, вероятно, она сама поразилась бы произошедшей в ней перемене. Так неожиданно вспыхнувшее в ней чувство странным образом омолодило ее (хоть нет ничего странного в цепи химических реакций, направленных на продление рода). Короткая модная стрижка удивительно шла ей. Даже слегка прибавив в весе, она по-прежнему оставалась изящной. Да и одевалась она под стать молодым – свитера и джинсы.

Дни ее были однообразны, если не считать одной существенной перемены – девушки поговаривали, что Андрей расстался с Мартой. Во всяком случае, больше ее никто не видел.

– Ничего, скоро другая мамка будет, – надменно хмыкнула Лена.

– Почему? – удивилась Лиза. – Он, что, не может влюбиться в девушку?

Лена смерила Лизу красноречивым взглядом.

– Влюбиться-то он может, но вряд ли захочет, – заключила она. – Не больно-то кому и сдалось такое сокровище. Ни семьи, ни детей ему не надо. Как перекати-поле…

С новой мамкой он, видно, не спешил, потому что по-прежнему имел независимо-неухоженный вид. У этого человека кроме красивой внешности за душой особых сбережений не наблюдалось. Правда, однажды он показал-таки свой необузданный нрав. У них и до этого случались «непонятки» с подвыпившими клиентами. Но охранники были «натасканными» ребятами и службу несли исправно. Андрей здесь подолгу не задерживался. Однажды, выйдя из кладовки, она увидела, как он, прислонившись к стене, молча наблюдал за Викой, вытирающей слезы под ржание «бабловитых» мужиков. Подойдя к ним, он схватил одного за шиворот и бесцеремонно потащил через весь зал на улицу.

На подмогу бедолаге подоспели дружки. К Андрею присоединились вышибалы. Жутко было смотреть, как люди молча по-звериному убивали друг друга. Когда драка грозила перерасти в побоище, приехал Нодар. Дрожа от страха, Лиза машинально подмечала, как из машины выскочили несколько парней и в одночасье разметали дерущихся в разные стороны. Оставив приехавших ребят в помощь охранникам, Нодар усадил окровавленного Андрея в машину и уехал вместе с ним.

Вскоре бар опустел. Пытаясь унять расходившееся сердце, Лиза прислонилась к дверному косяку. Мягко неглубоко вдыхая морозный воздух, подставила она лицо пролетающим редким снежинкам. На кухне Лена отчитывала заплаканную Вику:

– Мужики сюда гулять ходят, нужна им твоя гордость! Вали, раз не нравится! Деньги тебе нравятся? Чего слюни пускаешь?! Андрею лучше?! Нодару головняк устроила, училка х… ва!

Слушая, как тихо переговариваются с охранниками оставшиеся ребята, Лиза, к своему удивлению, впервые за последнее время ощутила себя защищенной в их обособленной дикарской стае.

Мало-помалу все успокоилось. Андрей больше не появлялся. Лиза о нем не спрашивала. Другие об этой истории тоже не вспоминали.

По просьбе хозяина она согласилась на несколько дней подменить заболевшую Клавдию Васильевну. К тому времени Лиза здесь стала своей. Она даже знала, после чего Нодар потеплел к ней. Как-то в коридоре она лицом к лицу столкнулась с человеком, которого однажды видела вместе с Вадимом, впрочем, тогда они встретились так же случайно. Вадим объяснил, что задержится, чтобы утрясти дела с налоговым инспектором. Человек этот ей запомнился, потому что муж назвал его голубым воришкой с заячьей душонкой, но волчьей хваткой. Собственной тени боялся, а хапал все, что мог. Оказалось, этот раздобревший, но по-прежнему опасливый инспектор тоже запомнил ее и задержал на ней взгляд. Сама она тотчас позабыла об этом, но через полчаса ее позвал к себе хозяин.

– Ты знаешь этого человека, которого видела со мной, да? – глядя ей в глаза, без предисловий спросил он.

– Нет, – не раздумывая, ответила Лиза, потому что действительно не была с ним знакома.

– А вот он тебя знает, – продолжая испытывать ее взглядом, убийственно спокойным тоном продолжал он.

– Чего он хочет?

– Чтобы ты забыла, что видела его здесь.

– Я в чужие дела не лезу, – в тон ему ответила Лиза и, чтобы окончательно закрыть вопрос, добавила: – И не люблю, когда лезут в мои.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Хорошо, – произнес он своим привычно-тихим хрипловатым голосом, – думаю, мы поняли друг друга.

После другой неожиданной встречи Лиза сама стала относиться к хозяину с симпатией. Как-то в один из поздних людных вечеров она проскользнула в гардеробную за новой бутыл-

кой моющего средства. И надо же было такому случиться, чтобы в коридоре она столкнулась с Викторией Владимировной Бельской. Та выглядела сейчас презентабельной дамой. Услышав свое имя и отчество, Лиза резко повернулась.

– Вы меня не узнали? – светло улыбаясь, спросила женщина. – Я в школе больше не работаю.

Эта улыбка и знакомый голос вернули ее в старые добрые времена.

– Почему? – тихо спросила Лиза, совершенно забыв о неотлагательной своей работе.

– Муж ваш постарался, – безо всякой обиды ответила та, – во всем обвинил меня. Хоть я не раз предупреждала его, что Сережа очень изменился.

Заметив недовольство проходящего мимо Нодара, Лиза не могла пошевелиться. А Бельская продолжала:

– Натерпелась я тогда. Да что обо мне, как вы сейчас? – участливо спросила она, словно не замечая рабочего фартука и резиновых перчаток.

– Как видите, – прижимая к груди бутылку с моющим средством, ответила Лиза.

Виктория Владимировна коснулась ее руки и ободряюще произнесла:

– А я и не жалею, что ушла. Однокурсник помог устроиться в банк, потом замуж за него вышла. И у вас все наладится, поверьте, обязательно наладится.

Не зная, что ответить, Лиза прикрыла ладонью глаза.

Но та опередила Лизу:

– Главное, чтобы вы не теряли желания жить.

Чем могли помочь ей эти наивные добрые слова? Ничем. Они просто растопили в ее душе боль, и она потекла из глаз горячими ручьями.

– Спасибо вам, – прошептала Лиза, вытирая слезы, – вы очень хороший человек, я всегда это знала.

Закрыв дверь, она подошла к мойке и под недовольное роптание Вики застыла, опершись о ее края. Наконец, взяв себя в руки, она вновь приступила к работе. Но работа не спорилась – то тарелки выскальзывали из рук, то сама она замирала с губкой в руке, пытаясь унять расходившееся сердце. Она не заметила, как Нодар вошел на кухню, не знала, сколько он там пробыл, повернулась только, услышав его голос.

– Оставь, Лиза, – тихо сказал он своим привычным хрипловатым голосом. – Иди домой. Завтра закончишь.

Всего на миг встретившись с ним взглядом, она все поняла. С тех пор она не могла отказать ему ни в одной просьбе. Да и не так уж много он просил.

Тот мартовский день выдался не по-весеннему холодным и неприветливым. Лиза заканчивала уборку, время от времени с опаской поглядывая на открытую форточку.

Развесив тряпку, она поставила в угол швабру. Оставалось сложить грязные скатерти и позвать охранника, чтобы закрыл за ней дверь.

Звук открывающейся входной двери не удивил ее, так как по утрам хозяин часто бывал здесь. Но в этот раз она ошиблась. Дверь на кухню резко открылась, и тотчас от сквозняка громко захлопнулась форточка. Увидев застывшего на пороге Андрея, Лиза замерла от неожиданности.

– Что ты здесь делаешь? – недоуменно спросил он.

Глядя на его обезображенное лицо, она не сразу уловила смысл вопроса. Под левым глазом не сошел кровоподтек, верхняя губа припухла.

– Я?… – вспомнив его звериный взгляд, жалко пролепетала она: – Убираю здесь я…

Лицо его исказило подобие мрачной улыбки.

– Как видок, а? – подмигнул он. – Нодара не было?

– Нет, – все еще не оправившись от испуга, отвечала Лиза, – ну, я не видела.

Постояв в нерешительности, он все же зашел на кухню и закрыл за собой дверь. Отодвинув табурет, превозмогая боль, он неуклюже сел. Глядя на горку скатертей, он удивился:

– Чего ты уборкой занялась? Денег не хватает?

Понемногу приходя в себя, Лиза ответила:

– Уборщица заболела.

– Да, черт… совсем забыл, – кивнул Андрей.

Преодолев неловкость, она заметила, указав взглядом на его лицо:

– Как тебя угораздило.

– Шел, споткнулся, упал, – криво ухмыльнулся Андрей.

– Я видела. Зачем ты драку затеял?

Его глаза холодно сверкнули.

– Я тебе, что, пацан, чтоб меня отчитывать? Кем ты себя считаешь? – завелся он.

И тон его, и взгляд вытеснили из ее души страх. Связав в узел скатерти, она хмуро ответила:

– Кем?… Брошенной посудомойкой. А ты… можешь хоть удавиться. Жизнь-то твоя. Но она пока у тебя есть.

От неожиданности Андрей смутился.

– Тоже мне, посудомойка,… – проворчал он.

Искорки заинтересованности промелькнули в его глазах. С минуту он думал о чем-то своем. Потом обратился к ней, словно не было между ними этой перебранки:

– Ты сейчас одна живешь?

– Одна, – не понимая, к чему он клонит, встревожилась Лиза.

– На квартиру меня возьмешь? Недели на две.

Недолго думая, шутит он или говорит серьезно, она отказала.

Андрей изобразил искреннее удивление.

– Почему? Руслана же взяла? Я заплачу, сколько скажешь.

– Газету купи. Объявлений хватает, выбирай любое и плати сколько хочешь, – проворчала она, снимая со стола узел.

Но его, казалось, не огорчил отказ. Наблюдая, как она взваливает узел на плечи, он покровительственно улыбался. Медленно, тяжело поднявшись, он направился к двери.

– Давай помогу, – предложил он, открывая дверь.

– Три дня носила. Живая, как видишь, – ответила Лиза и на ходу окликнула охранника: – Витя, закрой дверь.

Андрей задержался, но она не стала слушать, о чем он говорил с охранником. «Как глупо получилось… ничего уже не вернуть», – корила она себя. Но все оказалось очень даже возвратно. Не успела она пройти и десяти метров, как Андрей быстрым шагом догнал ее.

– Подожди, – остановил он ее, ухватившись за узел. Она заметила, как при этом от боли сжались его губы.

В тот же миг донесся шум проезжающей мимо иномарки. Проводив ее рассеянным взглядом, Лиза вдруг напряглась, позабыв обо всем на свете. Сидевший за рулем мужчина был похож на Вадима. Прикипев взглядом к иномарке, Лиза с ужасом подумала, что это он и есть. Сейчас пропасть отделяла ее от той прежней Лизы, к которой он привык. Что может чувствовать мужчина к вызывающей жалость женщине? Желание поскорее забыть ее.

– Кого-то увидела? – отвлек ее внимание Андрей.

– Показалось, – на ходу ответила она, не собираясь отнимать этот злосчастный узел. – Пошли, раз тебе так хочется.

Они вышли на тротуар и медленно пошли по направлению к ее дому. Пытаясь справиться с этим наваждением, она начинала понемногу приходить в себя. Так нежданно ворвавшееся в ее жизнь прошлое отступало, мало-помалу прячась в закутках ее памяти. Она уже не каза-

лась себе жалкой в своей не такой уж неудавшейся жизни. Просто жила сейчас другой жизнью среди других людей, которых Вадим не то чтобы не уважал, но не воспринимал всерьез, как не воспринимал всерьез никого, кто привык довольствоваться малым. Он считал их обслуживающим персоналом для преуспевающих сильных личностей. Раньше Лиза соглашалась с ним, как соглашалась априори со всем, что бы он ни сказал. Задумавшись, она не заметила, как на полшага отстала.

– Так что за знакомые у тебя разъезжают на таких тачках? – полуобернулся Андрей, заинтригованный ее странным поведением.

Отвлекшись от своих мыслей, Лиза добродушно улыбнулась.

– Говорю же тебе, показалось, – ответила она, – мои знакомые на таких тачках не разъезжают.

Ощущая спиной ее взгляд, он повернулся.

– Слушай, че ты сзади идешь? – удивился он. – Как конвоир.

Освободившись от гнета воспоминаний, Лиза ощутила в душе легкость. Исчезла недавняя скованность, Андрей ее больше не смущал. Даже забавляла беспомощность мужского самолюбия перед женской слабостью.

– Я любуюсь тобой, – искренне созналась она.

Его реакция тоже показалась ей забавной. Сейчас все ей казалось простым и понятным. Потому что рядом был любимый человек.

– Ну, ну, любуйся,… – не понимая, как расценивать ее слова, закивал Андрей и пошел дальше, но через минуту снова повернулся. – Долго ты собираешься так любоваться?

– До самого дома, – с той же добродушной улыбкой ответила она.

– И я о том же, – лицо его исказило подобие кривобокой улыбки. – Дом твой далеко?

– Нет, почти пришли, – Лиза указала рукой на дом.

Остановившись, он опустил узел на землю, вынул из кармана пачку сигарет и, прикурив, глубоко затянулся. Прищурившись от дыма, он молча смотрел вдаль. Лиза смотрела на него. Сейчас она не замечала ни его подбитого глаза, ни припухшей губы. Ничего этого не было.

Не было даже ветра, словно он, неосмотрительно растеряв силу, устыдился и сложил свои крылья. Казалось, что и солнца не было тоже, на небе не было даже его следа – хоть какого-то яркого пятнышка. Небо было затянуто однообразной серой пеленой, из которой сочилась влага, окутывая все вокруг туманной сыростью, прозрачными бусинками украшая обнаженные ветви деревьев. Подсвечивая желтыми огнями, мчались автомобили. Озабоченные прохожие неловко задевали их, недовольно поглядывая на остановившихся посреди тротуара двух чудаков.

Ничего этого Лиза не замечала. Она понимала, что сейчас он уйдет, уйдет неизвестно куда, и она потеряет его. А через несколько дней, когда придет ее черед выходить на работу, они встретятся снова, но встретятся уже чужими людьми, как десятки раз встречались до этого, с той лишь разницей, что для нее все уже будет окончательно потеряно. Разве у нее до этого был шанс? Был – надежда. А сегодня она убьет ее собственным упрямством. Ведь это даже не гордость, это глупость просто – оттолкнуть любимого человека, когда сама судьба дает ей шанс. Что, собственно, случится, если он поживет у нее какое-то время? Они свободные люди, никому не подотчетные. Да не о чем здесь даже думать.

– Что ж, пошли, – глядя, как он нервно затягивается, тихо сказала Лиза. Видя, что он не собирается бросать окурок, она подняла узел. – Пойдем смотреть квартиру.

Бросив на нее исподлобья испытующий взгляд, он спросил:

– Передумала?

– Должна же я как-то тебя отблагодарить, – ответила Лиза, направляясь к дому.

5

Ни по пути домой, ни в лифте никто из них не проронил ни слова. Теперь Андрей шел за ней следом, словно покорно принимал выбранный им самим жребий. Лиза этого не замечала. В ее голове не было сейчас ни одной конкретной мысли. Только учащенные удары сердца эхом отдавались в ее сознании.

Так же молча она вынула из кармана ключ, открыла дверь и, войдя в переднюю, включила свет. Повернувшись к Андрею, она на миг задержала на нем взгляд, и в ее сознании мелькнула шальная мысль: « Неужели мне это не снится?»

– Что же ты стоишь? – спросила она, кивком приглашая его войти.

Напряженный встревоженный взгляд его был направлен мимо нее. Лиза повернулась и увидела позади себя Малыша, в свою очередь, не сводившего напряженного взгляда с Андрея.

– Спокойно, Малыш, спокойно, – тихо приговаривая, поглаживала она пса, – свои.

Знакомые слова и интонация успокоили пса. Он поднял к ней морду и, тихо поскуливая, всматривался в ее глаза. В такие минуты его агрессия сходила на убыль.

– Заходи, – повернувшись к Андрею, сказала она и, взяв пса за ошейник, повела на кухню. – Раздевайся и заходи в гостиную. Я сейчас, покормлю его.

Стоило Малышу получить солидную порцию привычного лакомства, как он забыл про гостя.

Оставив Малыша трапезничать, Лиза пошла в переднюю. Походя взглянув на стоптанные кроссовки, она приуныла, не представляя, как впишется в ее вылизанное жилище его неустроенная холостяцкая жизнь. Когда она вошла, Андрей спросил, кивком указав на Сережин портрет:

– Сын?

– Да, – поспешно ответила Лиза.

– Красивый парень, – не подозревая, что причиняет ей боль, произнес Андрей, – сколько ему было?

– Семнадцать, – ответила Лиза, присаживаясь в кресло, – садись, – предложила она Андрею.

Андрей снова обвел взглядом гостиную.

– А ты не бедствуешь, – недоуменно покачивая головой, произнес он, осторожно усаживаясь в кресло, – чего тебя в этот бар потянуло?

Лиза вздохнула.

– Этим сыт не будешь, надо за что-то жить.

– Где ты раньше работала?

– На заводе, экономистом. Завод закрыли, пришлось осваивать новую профессию, – печально пошутила она.

Андрей с сомнением покачал головой.

– А что, специалисты больше нигде не нужны? Чего ты сразу в посудомойки?

– Мне без разницы, – пожала плечами Лиза, удивляясь тому, как без малейшего стеснения открывает душу малознакомому человеку.

– Понимаю, – протяжно произнес он, – так случается. Живут люди, вроде все нормально. А потом – бац! Не стало ребенка, и выясняется, что вместе их ничего не держит.

– Н-нет, – не желая ворошить прошлое, сказала Лиза, – муж ушел от нас с сыном. То есть, он встречался с ним какое-то время. Одним словом, пока не случилась беда.

Сбросив с себя гнет воспоминаний, она оживилась:

– Ну и как, подходит тебе такое жилище?

– Да, – лаконично ответил Андрей.

– Тогда приноси вещи.

Андрей замялся. Выпрямив ногу, он уперся локтями в мягкие подлокотники кресла и слегка переменил положение.

– Обойдусь, – помрачнев, ответил он.

– Две недели будешь ходить в одном и том же? – недоуменно спросила она.

Их внимание отвлек Малыш, черной тенью застывший у порога. Видя, что незнакомец не агрессивен, пес не спеша направился к батарее. Лиза провела ладонью по его огромной спине, и он мирно улегся на подушке.

– Что за порода? – взглядом указывая на пса, спросил Андрей. – Наверное, обошелся недешево.

– Судя по тому, во что обходится его питание, он влетел мне уже в круглую сумму, – с улыбкой глядя на пса, ответила Лиза. – Вообще-то, мне его подбросили.

– Если каждого так подбирать,… – с сомнением покачал головой Андрей.

– Неизвестно, кто из нас больше нуждался в друге. Тогда он был меньше обыкновенной крысы.

– Даже не верится, что такое чудище маленьким уродилось, – покачивая головой, Андрей не сводил с Малыша удивленного взгляда. – А ты небось росла не в бедности.

– С чего ты взял?

– Такие люди обычно жалостливые, – ответил он с хмурой ухмылкой.

– Почему же говорят – сытый голодного не понимает?

– Не скажи, – отрицательно покачал головой Андрей, – испытания закаляют человека. Он вообще смотрит на жизнь проще.

Лиза перевела на него преувеличенно заинтересованный взгляд.

– Какая у нас с тобой философская беседа завязалась, – сказала она и снова вернулась к прерванному разговору: – Как же быть с одеждой?

– Постирать можно или купить, – нахмурившись, ответил Андрей.

– Где ты жил?

– У себя, – ответил он и, видя ее недоверчивый взгляд, объяснил: – У меня однокомнатная.

– Почему же ты не хочешь вернуться? – заинтригованно спросила она.

Замявшись, он нехотя ответил:

– Некуда идти.

Лиза молча смотрела на него, по-прежнему ничего не понимая.

– Сожгли враги родную хату, – уставившись в одну точку, мрачно сказал он.

– Кто???

Зная ненасытность женского любопытства, он перевел разговор в шутку.

– Правила хорошего тона знаешь? Напои, накорми, в баньке попарь, а потом спрашивай, – кривобоко улыбнулся он.

Смутившись, Лиза поднялась. Малыш поднялся тоже.

– Сиди, Малыш, сиди, – успокоила его Лиза, – сейчас гостя в баню отправим и погуляем с тобой. А потом уж и поедим, – продолжала она на ходу, поманив рукой Андрея. – Что ж, пойдем, раз тебе не терпится искупаться.

– Я прямо из больницы, – поднимаясь, объяснил он. – Лекарствами пропах.

Понимая, что переодеться ему не во что, Лиза достала из шкафа домашний халат Вадима, его шлепанцы и отправилась на прогулку с Малышом.

Выйдя из дома, она поежилась. По-прежнему было безветренно, но промозгло и неприятно. Малышу любое ненастье было нипочем. Почувствовав волю, он принялся резво обнюхивать землю. Ее же мысли и чувства сейчас были заняты Андреем. Не успев толком осознать эту внезапную перемену в своей жизни, она заранее предвидела реакцию соседей.

«Пусть только попробуют, – мысленно защищалась она, – я им отвечу, я отвечу им – пусть лучше в свои постели смотрят. Я ни у кого мужа не увела, и своему не изменяю. Я и ему-то не нужна вовсе, – вздыхала Лиза, – если бы вы знали, насколько я ему безразлична…»

Множество противоречивых мыслей одновременно роилось у нее в голове, то согревая тихим счастьем, то давя грузом тревог и сомнений. Притихли они лишь тогда, когда она основательно продрогла. Да и Малыш нагулялся вволю.

Застав гостя, мирно сидящим в кресле, пес не удостоил его вниманием. Лиза поразилась его худобе. Мужнин халат сидел на нем как на вешалке.

– Сегодня разносолов не будет, – пытаясь сгладить свою реакцию, она пошла на кухню, – есть вчерашний свекольник.

– Самое то, – направляясь следом, в тон ей ответил Андрей.

– Ты, наверное, к ресторанной еде привык, – ставя на плиту кастрюлю, предположила она.

– Нет, – осторожно усаживаясь за стол, ответил он, – иногда перехватываю. От нее желудок болит.

– За вольную жизнь надо чем-то платить.

– Вон ты о чем, – с едкой ухмылкой покачал он головой, – довелось уже хлебнуть такого счастья.

Застыв с половником в руке, она смерила его удивленным взглядом.

– Долго хлебал? – с напускным спокойствием спросила она, ставя перед ним тарелку.

– Годика полтора, – ответил он, принимаясь за еду, – хлебал бы и дольше, да рылом не вышел. Папа с мамой доченьке женишка с родословной нашли. А пса безродного – под забор.

– Постой,… – жестом остановила его Лиза. – Кто пес подзаборный?

– Я, кто же, – склонившись над тарелкой, Андрей криво отхлебывал из ложки свекольник. – Детдомовский я. Потом интернат, общага, ПТУ и Афган. Такая вот история.

– Откуда же у тебя квартира?

– После армии на заводе дали по льготной.

– А, может, дело не в родословной? – деликатно поднажала она.

– Может, не в родословной, – согласился Андрей. – Так, к слову пришлось. Угораздило нас в то лето влюбиться друг в друга. Девочка хватала звезды с неба, а ее молодой старик по вечерам закладывал, чтобы не кричать по ночам. Маму с папой это пугало. Нет, все правильно, так и должно было закончиться.

Выдавив сок из двух апельсинов, Лиза разлила его по стаканам и поставила на стол.

Андрей покачал головой.

– Сдается мне, что именно на таких тачках и рассекают твои знакомые, – заметил он.

– Правильное питание не обязательно дорогое, – возразила Лиза. – Апельсины сейчас дешевые, ем я на работе, еще и Малышу прихватываю, так что дома готовлю редко. Просто эта неделя у меня выходная. Вообще-то, еще Авиценна сказал – если еду не будешь есть, как лекарство, будешь лекарство есть, как еду…

– И тут Остапа понесло,… – многозначительно вставил Андрей.

Лиза осеклась на полуслове. Она почему-то вспомнила Люсины слова и устыдилась. Заметив это, он попытался загладить оплошность:

– Я не против. Но нам с тобой ожирение пока не грозит.

– Это я от волнения, – смущенно созналась она, – а вообще-то я белая и пушистая.

– И сколько же ты с меня возьмешь за это удовольствие? – со смехом спросил Андрей.

– Договоримся так, – добродушно ответила она, – живи у меня как гость, живи, сколько надо. Но без друзей и подруг.

Андрей нахмурился.

– Если мне приспичит снять бабу, я найду где ее оприходовать. И с мужиками дерябнуть тоже, – задетый такими словами, зло ответил он.

– Высокий слог,… – понизив тон, как бы между прочим заметила она.

– Что?… – не расслышав, напряженно спросил «квартирант».

– А сюда ты собираешься приходить уже дерябнутым? – с опаской спросила она.

Эти слова его позабавили.

– Нет, ангелом в твой ангар прилетать, – подмигнул он ей подбитым глазом.

«Угораздило же в такого влюбиться», – досадовала она на себя, не понимая, к чему он клонит.

– Не пью я, – рассмеялся он, – язва у меня.

Не желая быть мишенью для его насмешек, она поднялась.

– У тебя и у трезвого неплохо получается, – проворчала она, убирая со стола. – И не дерись пока, пожалуйста.

– Не… что? – изумившись на миг, он рассмеялся. – А ты приколистка. Как ты представляешь меня сейчас дерущимся?

– Где твоя одежда? – проигнорировала она его слова.

– Зачем тебе? – насторожился он.

– Постираю, может, к завтрашнему утру высохнет.

– Я привык самообслуживаться, – по-мальчишески напыжился Андрей и поднялся из-за стола: – Спасибо.

– На здоровье, – ответила Лиза его спине, глядя, как он, прихрамывая, направился в ванную. Таким беззащитным, неловким он ей показался, что сердце заныло от жалости.

Ничего другого ей не оставалось, как приготовить ему постель. Занятая работой, она не заметила, как он, стоя у порога, наблюдал за ней. А заметив, растерялась под прицелом его проникновенного взгляда. Слишком уж он был красноречив.

– Вот, постель тебе стелю,… – словами пытаясь прикрыть смущение, произнесла она.

– Сама-то ты, где спать собираешься? – упершись спиной в косяк, спросил Андрей.

– В гостиной, – объяснила Лиза, удивляясь его недогадливости. – Я там же спала, когда Руслан у меня жил.

– Я не сомневаюсь, что не с ним, – поддел ее Андрей и уже серьезнее добавил, – кровать-то широкая, троим места хватит.

– Что ты предлагаешь? – напряглась Лиза.

– Предлагаю попробовать, вдвоем-то мы уж как-нибудь уместимся.

– Я думала, это нам обсуждать не придется, – ледяным тоном отбросила она его дурашливость.

Однако Андрей оказался непробиваемым.

– Давай обсудим. Мне, знаешь ли, очень интересно твое мнение по этому вопросу, – ничуть не смущаясь, с издевкой изрек он.

Лиза смерила его взглядом, на душе стало так тяжело от его вызывающей красоты и от собственной беспомощности перед ней. Присев на край кровати, она с болью спросила:

– Что тебе интересно?

Выражение простого человеческого чувства оказалось эффективнее, чем ее чопорная холодность. Подойдя к кровати, он медленно, опираясь на руку, присел напротив нее. Какое-то время они молча сидели так, телепатически проникая друг в друга.

– Я понимаю, что глупо выгляжу, – с печальной ухмылкой тихо произнес он, – с разукрашенной рожей, в чужом халате…

– Не в этом дело, – перебила его Лиза.

– Не в этом, конечно, не в этом, – согласился Андрей, – думаю, нам с тобой надо бы поговорить по душам. Никто ведь не мешает. Какого лешего мы в этих креслах сидеть будем, как президенты на переговорах? – попытался он пошутить.

Но шутка не прошла.

– Что, так и будем молча сидеть? – добавил он, видя, что сама она не спешит разрядить создавшуюся неловкость.

Расправляя ладонью простыню, она ответила:

– Думаю, оттого что мы с тобой уляжемся, разговор задушевнее не станет, только глупее будем выглядеть.

– Перед кем? – насмешливо спросил он.

Она чувствовала, что разговор он затеял неспроста. И это предчувствие, и исходящие от него флюиды, вызывали у нее странное желание – сорваться с места и бежать от такой нелепой, непреодолимой любви к нему.

– Друг перед другом, – глядя на мерцающие огоньки бра, ответила она.

Андрей неловко улыбнулся.

– Глупая шутка, – убрал он с лица улыбку. – Но мне тоже непросто. Иногда скажешь, человек подхватит, слово за слово, куда-нибудь да вырулим.

– Богатый у тебя опыт, – задетая его словами, заметила Лиза.

– Ни при чем здесь опыт, – ответил он, поневоле раздражаясь ее нарочитой неприступностью, и серьезно добавил:– Выходи за меня замуж.

Сраженная этими словами, она во все глаза смотрела на него, не понимая, как ей реагировать.

– Я ведь все понял, – тихо по-доброму продолжал он.

Она по-прежнему не находила слов. Боясь показаться смешными, слова спрятались в закутки ее сознания.

– Ну, что ты молчишь? – по-прежнему не сводя с нее проницательного взгляда, спросил он.

– Я не,… – начала было Лиза, но от волнения запнулась. Не зная, как воспринимать его слова, она решилась спросить: – С чего вдруг ты решил на мне жениться?

Андрей смотрел на ее жалкие потуги и не знал, как объяснить, что все ее чувства – растерянность, страх, любовь – отражались в ее глазах.

– Не вдруг, – пытаясь не спугнуть ее снова, тоном практикующего психиатра отвечал он, – сегодня, когда увидел тебя, решил – поговорим откровенно, и будь что будет.

Прежнее самообладание понемногу возвращалось к ней.

– Странно,… – с сомнением ответила она, – мне казалось, ты на меня внимания не обращал.

– Как сказать, – неопределенно пожав плечами, он перевел взгляд на подушку, – я прилягу. Помяли меня малость.

– Конечно, конечно, – пододвигаясь, спохватилась Лиза, но он придавил своей рукой ее ладонь.

– Куда ты? Посиди, – попросил он. – Не сразу. Но, как-то,… – раздумывая, начал он, но тотчас в сердцах закончил: – Да шут его знает. Я, что, на календарь смотрел? Случилось и случилось, – припечатал он с хмурым видом.

Его раздражительность, за которой скрывалась скупая на выражение чувств мужская сущность, снова показалась ей забавной.

– Что бы ни случилось, – с недоверием продолжала она, – глаза-то у тебя на месте. Вокруг полно молодых красивых девчонок, которые с радостью приняли бы твое предложение.

– Может, приняли бы, только я не предлагал, – мрачно, точь-в-точь как когда-то Марте, сказал он.

– Почему?

– Не хотелось, – видя, что разговор выруливает не в ту сторону, отрезал он и снова завел о своем: – Я понимаю, неожиданность плюс неуверенность порождает сомнение.

– Но ты ни разу не намекнул, что я тебе небезразлична.

– А ты?

– Но ты ведь догадался?

– Значит, я умнее.

– Спасибо, – задетая его словами, ответила Лиза, – так и нашел бы себе под стать.

– Извини, – потянул он ее за руку, – замуж за меня пойдешь?

Уловив в нем слабину, бабье самолюбие проглотило его извинение и потребовало добавки:

– Ты считаешь – с меня довольно того, что ты все понял? – с видом женщины, знающей себе цену, спросила Лиза.

Явно не ожидая такой реакции, он опешил:

– Чего еще?

– Я понять хочу, с чего ты вдруг собрался на мне жениться. Пойми, для меня это важно, – приложив руку к груди, пыталась объяснить ему Лиза, – я же старше тебя.

– Подумаешь, всего-то на восемь лет. А по виду и того не дашь, – с пренебрежением ответил он. – Слушай, я же не с твоими годами собираюсь жить, ты мне в принципе нравишься как человек. Есть вещи поважнее, чем возраст.

– Например?

– Например, семья, – глядя в потолок, тихо произнес он, – я всегда хотел иметь семью. Может, потому и женился так рано. После развода плюнул, да и квартиру получил. Бывали у меня, конечно. Тоже, себе на уме. А тебя, как сказать…. Чем больше узнавал, тем больше понимал, что именно с тобой у нас получилось бы.

– Но для этого не обязательно идти в ЗАГС, – возразила Лиза, с замирающим сердцем осознавая, что вот так запросто рассуждает о совместной жизни с человеком, которого толком не знает. Охваченное любовным дурманом, ее сознание пребывало в лихорадочном поиске.

– Обязательно, – переведя на нее взгляд, улыбнулся Андрей. Слегка потянув ее за руку, он привлек ее к себе и прошептал, – иначе нормальной семьи не получится.

Какое-то время они лежали молча. Лежать так было неудобно, но она боялась пошевелиться, чтобы невзначай оброненным словом или неловким движением не спугнуть свое такое неожиданное счастье. Возможно, его последние слова так зацепили ее или что-то другое, но она была не в силах отказать ему, упустить свой последний шанс. «Последний шанс?.. Да, – с горечью думала она, – да и он, пожалуй, считает так же. Ну и пусть, в конце концов, это правда». Сейчас, когда все еще было зыбко, когда не было определенности в их отношениях, можно было наслаждаться близостью любимого человека, ни о чем не думая, ничего не загадывая наперед.

Лежала бы она так неизвестно сколько, если бы Андрей не нарушил воцарившуюся в ее душе идиллию:

– Ты так и не ответила, согласна или нет?

Она подняла к нему глаза.

– Это для тебя так важно? Именно сейчас? – спросила она, коснувшись пальцами его обезображенного лица. – Согласна, только,…

Приподнявшись на локте, он повернулся к ней.

– Что? – спросил он, с тревогой вглядываясь в ее лицо.

– Думаю, лучше сразу сказать. После смерти Сережи у меня случился инфаркт.

Какое-то время он выжидающе смотрел на нее. Но продолжения не последовало.

– И что? – наконец спросил он.

– Это я и хотела сказать, – рискнув взглянуть на него, тихо произнесла она.

Андрей пожал плечами.

– Ну, у меня язва, – с недоумением сказал он, – если для тебя так важно, могу нарыть еще пару-тройку болячек.

– Ты не понял. Это слово инфаркт кажется привычным, но жить с этим неудобно.

– Если к браку так подходить, тогда лучше вообще не жениться. Что-то неудобное – во мне, что-то – в тебе. Притремся. Супружеский опыт у нас есть, да и возраст к тому же.

– Особенно у тебя, – улыбнулась Лиза.

Эти безобидные, казалось бы, слова неожиданно его задели.

– Я старше тебя на целую жизнь, – хмуро ответил Андрей и нехотя добавил: – Когда мои одногодки на танцульках выплясывали и в институтах штаны протирали, я, просыпаясь утром, не знал, доживу ли до вечера.

– Я понимаю,… – начала было Лиза, но он резко рванул полы халата, и взгляд ее уперся в зигзагообразно сшитые, уродливо сточенные лоскуты человеческой кожи.

Не дав ей опомниться, он снова запахнул халат.

– Так что из ресторанного меню я могу похлебать только супчик, а такового там не имеется, – мрачно произнес он. – После Афгана я вообще ни с кем нормально общаться не мог. Как видишь, есть вещи неприятнее, чем твой инфаркт.

Пытаясь прийти в себя от увиденного, Лиза машинально кивнула, и в этот миг настенные часы тихо пробили восемь раз.

– Когда тебе на работу? – тревожно напомнила она.

– Видно будет. Пока ты гуляла, я Нодару позвонил.

– Он тебя ценит.

– Я ему должен. У таких, как я, по жизни место на верхней полке у туалета. Он для меня плацкарт выбил.

– Как он здесь очутился?

– Служил здесь. Потом женился на телефонистке. После дембеля к себе повез. А там ему другую невесту подыскали. Это у них нормально. А у него жена беременная. Устроили ей экзамен на выживание. Бабья война – жестокая вещь. После родов у нее ноги парализовало. Вернулся с ней сюда. Его родня обиделась, что он жену послушал и вернулся. А здесь ее родня обвинила его. Удобная отговорка, чтобы не помогать. Порассказала она мне, чего они нахлебались.

– Кто?

– Жена его. Сам он жаловаться не любит.

– Он твой друг?

– Он? Нет, мы с его сыном, Давидом, тусовались. Он на наркоту подсел, вот я и помогал Нодару, как мог.

– Чем же ты мог помочь?

– Не скажи, у него руки до всего не доходят. Взял нас двоих на работу, ну и просил, чтобы я за ним присматривал. Когда он срывался, я и за него, и за себя вкалывал, разыскивать отцу помогал. Вот и получил под завязку. Тем, с которыми я в баре подрался, Давид торчал. Я его укрыл, разнюхали и пустили мне красного петуха, чтобы знал, как чужую задницу прикрывать. Я их сразу вычислил, они неспроста с Викой зарывались. Если бы не Нодар, порешил бы. У них шишки сойдут, а мне квартиру дочиста выгребать. Но теперь финита.

– Почему?

– Потому, что сынок в такие долги залез, что папаше надо и добро свое, и себя с потрохами продать, чтобы его из дерьма вытащить. И без того на него бабок немерено вбухал. Сначала жену лечил, потом снова такое вот счастье подвалило.

– Жену-то хоть вылечил?

– Нет. Она сама отказалась, потому что видела – только деньги тянут.

– Что же он будет делать? – не успев толком переварить эту новость, с тревогой спросила Лиза.

– Бар продавать, – спокойно ответил Андрей, – а не продаст, так сожгут.

– Отдал бы им бар за долги.

– Им деньги нужны, у них свой бизнес.

– Где же мы работать будем?

– Кто, мы?

– Я и ты.

– У тебя скоро муж будет, пусть работает, – Андрей попытался перевести все в шутку, хоть ему было не до веселья.

– А как же с тобой?

– За меня не переживай, у него не один бар. Главное, чтобы Нодар порешал. Я бывал в таких переделках. Тачку, уроды, так помяли… повозился, чтобы с рук сбыть. Не хватало еще, чтобы новую угробили.

– У тебя есть машина? – не смогла она скрыть удивления.

– Ты не знала? – в свою очередь удивился он. – Я же приезжал на ней. Иногда за вечер по пару раз туда-сюда мотаешься. Иначе – никак. О чем задумалась?

– Ты веришь в то, что жизнь человека может изменить случайность? – повернувшись к нему, спросила она.

– А жизнь, по-моему, и есть череда случайностей, – с ленивой улыбкой ответил Андрей и снова попросил: – Ляг со мной, иначе мы точно будем выглядеть глупо. Собрались пожениться, а еще и в одной постели не лежали, – рассмеялся он и тотчас скривился от боли.– Да, жених хоть куда… Ты уж извини, сегодня из меня кавалер ни ахти какой…

Лиза снова легла с ним рядом, приклонив голову к его плечу, и обвила рукой его грудь.

«Как когда-то с Вадимом», – промелькнула в голове ее непрошенная мысль.

– О чем мы говорили? – перебил ее мысли Андрей.

– О случайности, – не отрываясь от его плеча, тихо напомнила Лиза.

– Да, случайность… Сначала глупая случайность сводит вместе двух чудаков, потом они случайно делают третьего. Потом подбрасывают его под забор детдома. А ты имела в виду нашу встречу? Нет, она не случайна. Это подарок судьбы. Я долго ждал ее, еще с детдома, когда через забор смотрел на счастливчиков, которым мамаши сопли вытирали. Ты еще в школу ходила, еще и мужа своего не знала, а я в душе вынашивал твой образ. Именно такой вот, нынешний. И встретились мы с тобой тогда, когда оба стали свободны. Нет, это не случайность,… – говорил Андрей все тише и тише, пока, наконец, не уснул.

Ощущая на себе его тихое ровное дыхание, легкими прикосновениями, миллиметр за миллиметром, она изучала его: от волосков на непривычно мускулистой груди до вспухших вен на руке, касаясь кончиками пальцев загрубелых зарубцевавшихся шрамов, вбирая дух его молодого чистого тела. Ей хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась, чтобы не кончалась ее надежда (то сладостное чувство, когда все еще только будет, и все изъяны и шероховатости этого заманчивого будущего сокрыты пеленой неизвестности).

Очевидным для нее сейчас было одно – он не любил ее, а всего-навсего хотел устроить свою семейную жизнь. На самом деле все до обидного просто и банально: ты – мне, я – тебе. Взамен на его материальную поддержку и близость она должна будет воплотить в жизнь его маниакальную мечту – стать для него матерью и женой. Два в одном. Вряд ли молодая девушка потянет такую роль. Удержать его, пожалуй, можно только материнской любовью. Любовью женской он, похоже, пресытился.

Лиза скользнула жадным взглядом по его умиротворенному лицу и снова прижалась щекой к его плечу. Ничего, у нее еще осталось столько нерастраченной материнской любви, что она может дарить ее щедро, без боязни исчерпать. В ее душе томится столько невостребованной женской любви, что она сможет согревать его до конца своих дней. Стоило ей представить, как она будет стареть у него на глазах, и светлые радужные мечты тотчас померкли. «Тогда ничем не удержишь», – понимала она. Но любовь снова вспыхивала в ее душе свет-

лыми искорками. «Ну и что, – отметала она мрачные мысли, – ждать, пока совсем увяну, пока не станет даже иллюзий? Если судьба посылает шанс, почему бы не использовать его? Пусть он как соломинка, но утопающий хватается и за нее».

Осторожно поднявшись, она снова невольно залюбовалась им и, укрыв его, вышла из спальни. Терпеливо дожидавшийся ее у порога Малыш покорно поплелся за ней в гостиную. Какое-то время она с задумчивым видом поглаживала Малыша. Мысли ее блуждали далеко от уютной гостиной. Взгляд плавно перемещался с одного предмета на другой, фиксируя напольную вазу с греческим орнаментом, глубокое мягкое кресло у стены, торшер в углу, хрустальную пепельницу, пока не упал на телефон. «Как ни крути, а позвонить придется», – понимала она. Поэтому, не раздумывая, набрала знакомый номер. Ждать пришлось недолго.

– Квартира Матвеевых, – послышался в трубке голос отца.

– Здравствуй, папа, – пытаясь совладать с волнением, произнесла она.

– А, доча, – обрадовался отец, – как поживаешь? Созрела, наконец, для серьезных дел? – привычно спросил он, потому что в последнее время идея с рестораном у него на почве вынужденного бездействия превратилась в идею фикс.

– Как тебе сказать, – вдруг оробела Лиза, пожалев, что поспешила со звонком, – ты мне лучше расскажи, как вы с мамой поживаете.

– Да так и поживаем, тебя дожидаемся. Вроде ты не знаешь, как мы с мамой живем. Она меня пилит, а я сижу и слушаю. Только меня шиш надвое распилишь. Приезжай, доча. Начнем помаленьку. Сам бы начал, да за руль сесть не могу. Уважила бы отца, права у тебя есть.

– Когда я в последний раз машину водила? – улыбнулась Лиза.

– А вспоминать, не учиться.

До Лизы доносились мамины недовольные слова:

– Куда ты собрался? Ты еще и по дому-то без костыля не ходишь. А, случись что? Она тебя на себе потащит?

– Ты можешь не жужжать под ухом? – огрызнулся отец и тихо проворчал в трубку: – Была бы мухой, прихлопнул бы, честное слово.

Слушая отца, Лиза понимала, что надо решиться на откровенный разговор.

– Я зачем звоню, – деликатно начала она, – созреть-то, я созрела, но для другого, – собрав воедино всю свою волю, она закончила, – я замуж выхожу.

Отец, явно не готовый к такому пердимоноклю, казалось, потерял дар речи. Придя в себя, он напряженно спросил:

– Когда?

– Еще не решила.

– Ну, ну, – о чем-то раздумывая, протянул отец, – твой Игорь оказался решительнее, чем я ожидал. Озадачила ты меня, озадачила. Хотя, с другой стороны…

– Погоди, – перебила она отца, – это не Игорь, это другой человек.

– Как?! – воскликнул отец после некоторого молчания. – Когда же ты успела?

– Так получилось, – уклончиво ответила Лиза, – мы с ним после Нового года познакомились.

– И сразу – замуж?!

Услышав о замужестве, к телефону подошла мама, и отец обратился к ней:

– Послушай, что твоя доченька учудила. Замуж собирается. И кто же избранник? – преувеличенно вежливо продолжал он.

– Он работает управляющим в баре, – решив быть твердой до конца, спокойно ответила Лиза.

– Кем?! – переспросил отец и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты, что же, по барам стала разгуливать? Извини, я тебя не узнаю.

– Не забывай, что я имею право на личную жизнь, – твердо продолжала она, – и до сих пор не сделала ничего, чтобы выслушивать такие слова.

– Пока не сделала, – подозрительно быстро согласился отец и тотчас перешел в наступление: – Когда сделаешь, тогда уж поздно будет говорить.

– Я не передумаю, – видя, что зря затеяла этот разговор, жестко ответила Лиза.

– Ладно, ладно, – миролюбивее продолжил он, – зачем горячиться сразу? Расскажи хоть, что он за человек, лет-то ему, сколько? А то сразу – замуж выхожу, и точка. А вы, старики, радуйтесь, что сообщила.

– Он моложе меня, – начала Лиза с больного вопроса.

– Дак, я и не сомневаюсь, – простодушно ответил отец, – иначе бы ты черта с два замуж за него рвалась. Это ты так решила, или ему самому жениться приспичило?

– Мы так решили.

– Понятно, – сходу разобрался во всем отец, – жить он собирается конечно же у тебя.

– У него есть и своя квартира, и машина, – не реагируя на въедливый тон отца, продолжала Лиза, – и зарабатывает достаточно, чтобы обеспечивать и себя, и меня.

– А жить все-таки у тебя будет, – въедливо продолжал отец. – Своя роскошь глаза слепит, хочется в скромности пожить. Приезжай-ка, доченька, со своим женихом к нам в гости. Здесь на месте и разберемся, что он за фрукт. А то у тебя, о чем ни спроси, во всем он сама добродетель. Непонятно только, отчего он на молодой девчонке жениться не хочет.

Признавая справедливость отцовских слов, Лиза обиделась.

– Ты считаешь, я не заслуживаю мужского внимания? – спросила она.

– В том-то и дело, что заслуживаешь, – в этот раз с теплотой ответил отец. – Знаешь, как говорят – любовь зла, полюбишь и козла. А козлы этим пользуются.

– Хорошо, мы приедем, – ответила Лиза, уже окончательно пожалев о том, что позвонила отцу.

Этот разговор лишь усилил ее сомнения.

Ничего, – поглаживая Малыша, успокаивала она себя, – сегодня я просто оказалась не готова к этому разговору. Может, и ему этот штамп в паспорте не нужен. Предложил просто, чтобы как-то начать разговор. Не мог же он сказать: «Слушай, ты меня устраиваешь. Я, пожалуй, перееду к тебе, и будем вместе жить». Может, завтра все встанет на свои места. Недаром говорят – утро вечера мудренее.

6

Едва раннее утро разбавило серой акварелью ночной мрак, Лиза осторожно откинула одеяло и, на миг залюбовавшись им, поспешила в ванную под шум воды смаковать и осмысливать такое свое нечаянное счастье. Материализовавшаяся ее мечта за ночь стала вполне осязаемой, но от этого не стала менее желанной. Прихорашиваясь перед зеркалом, хлопоча на кухне, между делом она продолжала мечтать, но, наткнувшись взглядом на застывшую в пороге облаченную в мужнин халат «мечту», вздрогнула.

– Испугалась? – улыбнулась «мечта» белозубой улыбкой.

– Подкрадываешься как хищник, – пытаясь скрыть смущение, проворчала она. – Как спалось?

Потянувшись, «хищник» на миг превратился в домашнего кота, но тотчас лицо его исказилось от боли.

– Не выспался, – подозрительно довольно как для не выспавшегося человека, ответил он.

– Почему?… – расстроилась Лиза.

В ответ он рассмеялся.

– Ты меня всю ночь лапала, – простодушно ответил он.

Краска стыда залила ее лицо.

– Нахал! – крикнула она, шлепнув по нему кухонным полотенцем.

Ухватившись за полотенце, он притянул ее к себе и смачно поцеловал в щеку.

– Садистка,… – пройдясь по ней оценивающим взглядом, добродушно проворчал он. – Я ждал продолжения. Как тут уснешь?

Но она уже успела совладать с сиюминутным замешательством.

– Продолжение на плите и в мусорном ведре, – с удовольствием наблюдая превращение его оценивающего взгляда в недоуменный, отомстила она.

– В смысле?… – насторожился он.

– Во-первых, по утрам теперь «овсянка, сэр», во-вторых, ваш поношенный смокинг постигла печальная участь. Если отстирать, останутся только дыры. Жуй овсянку, а я схожу на рынок, что-нибудь тебе подберу.

Пришла его очередь смущаться.

– Нормальный прикид, – неопределенно произнес он.

– Может, когда-то и был, – накладывая кашу, отвечала она. – Теперь не отвертишься.

– Ну и как я тебе… на ощупь? – садясь за стол, вновь оживился он.

– Как и на глаз, – оценивающе глядя на него сверху вниз, подыграла она.

– Может, с одеждой… в смысле,… – начал он, но она перебила его:

– Не получится, – завязывая мусорный пакет, направилась она в переднюю.

– А деньги? – видя, что она всерьез решила его преобразить, встал он из-за стола.

По его напряженному взгляду она поняла, что сейчас это для него больной вопрос.

– Я девушка одинокая, запасливая, – беззаботно сказала она, прикидывая, как бы удачнее это провернуть.

– Угадаешь? – донеслось ей вслед.

– Зря я, что ли, тебя лапала? – ответила она, закрывая дверь.

За порогом нахлынувшие воспоминания развеяли ее оптимистичный настрой, легли на душу камнем, тяжкими гирями повисли на ногах. И снова ею овладела неуверенность.

Изо всех Люсиных подруг на старом месте она застала лишь Татьяну. Приунывшая было от серости однообразных будней, при виде Лизы та оживилась. «Светка замуж вышла, – как со старой знакомой разоткровенничалась она, – и я тоже. Теперь вместе с мужем торгуем. Ольга ушла, куда – не знаю. Разобиделась на нас». «За что?» – зная их закадычную дружбу, удивилась Лиза. «За наше хорошее и за свое плохое», – уклончиво ответила та. Окинув взглядом товар, не особо рассчитывая на успех, Лиза решилась попросить:

– Выручишь? Жениха приодеть надо, примерить домой дашь?

– Ух ты, – удивилась та, – сейчас правильных делают, или завалящий со старых времен попался?

– Нет, молодой и красивый, – улыбнулась Лиза.

– Чего же не выручить? – согласилась Татьяна, понимая, что в накладе не останется. – Выбирай. Муж обувью торгует, если что, обращайся.

«Может, и прав он, – нагруженная пакетами, возвращаясь домой, думала Лиза, – пусть ложится, как ложится».

Правда, рассмотрев дома приодетого «жениха», она приуныла. Ну, как с таким спокойно жить? «Жениху» понравилось. Узнав, что он решил обновить обувь и куртку, Лиза приуныла вдвойне. Заметив ее озабоченность, он успокоил ее: « Есть у меня деньги, не переживай».

Но на сердце было тревожно. Оказалось – не зря. При виде красивого мужчины в Таньке тотчас проклюнулась змеиная натура. И «понравилось ли вам», и «все ли подошло», и «приходите еще», и «с удовольствием вас обслужим» сыпалось из нее как из мешка горох. При этом Лизу она не замечала. Зато «жених» оказался зрячий. Видел же, что ей неприятно, и все равно улыбался своей дьявольской улыбкой, на которую она и сама в первый же день попалась.

Неизвестно, чем бы закончился их первый совместный выход «в свет», если бы его не окликнул подошедший мужчина.

– Привет, Андрей, – сказал он и протянул ему руку.

Пожав протянутую руку, Андрей молча кивнул. Незнакомец даже не взглянул на женщин, но Лиза заметила, что Танька при нем тотчас притихла.

– Кто тебя так? – спросил незнакомец.

Мужчины отошли на пару шагов. Андрей прикурил.

– Все то же, – безрадостно ответил он.

– Что ты с ним возишься? Не жилец он. Знает, что отец отмажет, – понизив тон, наущал незнакомец.

– Сколько отмазывать? – затянувшись, ответил Андрей.

– А ты здесь, что, – взглянув на Лизу, незнакомец, кивнул ей, – прибарахлиться решил?

– Да вот, с женой решили, – как ни в чем не бывало отвечал Андрей.

Лиза почувствовала, как у нее вырастают крылья.

– Женился-таки? – незнакомец улыбнулся Лизе и снова обратился к Андрею: – Выбирай что хочешь. Я твой должник. Помнишь, я Даве торчал пять штук? Ты порешал.

– Когда это было? – отмахнулся Андрей. – Купили уже.

– Жене возьми, от меня подарок. Я добро помню, – настаивал незнакомец. – Таня, дашь, что женщина выберет.

– Мы с этой женщиной полгода здесь работали, – не в восторге от такого поворота, неприветливо ответила Таня. Куда и подевалось ее радушие.

– Ну и что? – настаивал незнакомец. – Жена хорошего человека не может работать?

Лиза подошла к Татьяне.

– Как неудачно ты улыбнулась моему мужу, – понизив тон, с ехидством подмигнула она «сотруднице». – Обдеру я тебя, как липку обдеру.

– Сутра вроде женихом был, – насмешливо хмыкнула Танька и, подобрев, добавила: – Так обдерешь-то не меня, а мужа.

Лиза повернулась и смерила незнакомца заинтересованным взглядом. Хоть красотой и молодостью Татьяна явно превосходила ее, она прекрасно понимала, что мужчинам женского внимания много не бывает. Не глядя на своего «жениха», она игриво улыбнулась Танькиному мужу.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз. Приятно было пообщаться с хорошим человеком, – слащавым тоном пропела она, краем глаза наблюдая за Танькиной реакцией.

Андрей первый оборвал эту комедию.

– Бывай, до скорого, – отбросив окурок, пожал он мужчине руку. – Спешим.

Понятливо кивнув и пожав Андрею руку, мужчина улыбнулся Лизе.

– Всегда рады вас видеть, – сказал он ей на прощанье.

– До чего же вы, бабы, язвы, – ухмыльнулся по дороге Андрей.

– У меня выбор-то был небольшой – либо – дура, либо – язва, – обиженно ответила Лиза.

– Принято, – согласился он и перешел к прозе жизни. – Стоянки здесь поблизости нет? – озабоченно спросил он. – Не знаю, что за гаврики здесь промышляют.

– Здесь живут приличные люди, – обидчиво заявила она.

– Я сказал – не живут, а промышляют. Это разные вещи, – серьезно заметил Андрей.

– У меня возле дома гараж есть, – подумав, предложила она. – Муж вместе с квартирой при разводе оставил.

– Хозяйственный у тебя был муж, – удивленно вскинув брови, он одобрительно покачал головой.

– Хозяйственный, – согласилась она, опасаясь последующих вопросов.

Но при виде добротного гаража ему стало не до тонкостей чужих семейных отношений.

– Тогда я смотаюсь по делам? – переключился он на деловую волну. – Машину забрать надо, я без нее как без рук.

– Что тебе на ужин? – в который раз пожалев, что затеяла эти обновки, спросила она.

– Свекольник же есть, – недоуменно ответил он. – Остался еще?

– Ты… шутишь? – удивилась Лиза. – Позавчерашний свекольник?

– А,… – явно не понимая, что плохого в позавчерашнем свекольнике, протянул он. – Тогда, что хочешь. Жидкое, нежирное и неострое. Боюсь разозлить язву.

Как-то само собой получилось, что вечером она уже ждала его с приятным волнением, как ждала бы близкого человека. Всякий раз, пытаясь анализировать то, что с головокружительной быстротой менялось в ее жизни, она приходила к тому, с чего начинала. Жалкие потуги ее сознания подавлялись мощным напором чувств. И разница в возрасте, и подозрительная спешка с официальным оформлением отношений, которые между ними едва успели завязаться, все это перечеркивалось одним единственным ее доводом – боязнью потерять этого не близкого, не родного ей человека.

Когда он вернулся, обновленный, одомашненный, на сердце стало так тепло и приятно, как давно уже не было в ее жизни. На ужин его ждал суп пюре и паровые котлеты с тушеными овощами. Увидев на столе эти яства, он опешил.

– Шикуем? – усаживаясь за стол, прошелся он по тарелкам плотоядным взглядом.

– Обычный ужин, – ответила Лиза, накладывая в тарелку наваристый ароматный суп.

– Грех такие ужины пропускать, – повел он носом, прикрыв глаза.

– Стараемся, – снисходительно ответила она. – Такое счастье выпало – живого мужика в постели полапать.

– Ладно, живого,… – смутился он. – Мне шевельнуться было больно. Но приятно!

– Ешь, ешь, – покровительственно кивнула она, – мне тоже нравится.

То, с каким аппетитом он уплетал, нахваливая ее стряпню, будоражило, обнадеживало, что все у них, может быть, сложится. Когда-нибудь. Умиляло до тех пор, пока он вновь не заговорил о браке. Узнав, что он договорился на завтра, она замерла от неожиданности.

– Как же так, – в ответ пролепетала она, – я звонила вчера отцу, он приглашал нас познакомиться.

– Вот и поедем, – согласился Андрей, – сразу и познакомимся. Так будет даже лучше. Зять, это уже фактически свой человек.

Лиза смерила его красноречивым взглядом.

– Да уж, такого зятя хоть кто за своего примет. Заодно и поймет, чего от него ждать, – при этом она указательным пальцем обвела вокруг лица.

Андрей криво ухмыльнулся и неловко пожал плечами.

– Вроде сошло немного.

– В самый раз, чтобы под венец идти, – досадовала она.

– Подмарафетишь. Кто там нас увидит, – просительным тоном обратился к ней Андрей, – знакомая, так она меня сегодня видела. Даже пошутила, не ты ли разрисовала меня, чтобы женить на себе.

И все-таки она не понимала.

– К чему такая спешка? Словно ты бежишь от чего-то. Я ведь согласна, и так уже вместе. Но давай как-то по-человечески. Вдруг мы не подойдем друг другу?

– Как – не подойдем? – вперился он в нее глазами.

– Н-ну, я не знаю,… – сожалея, что ляпнула, не подумав, ответила она. – Так говорят. Ты ведь встречался с женщиной…

– С Мартой? – вставил он. – Она замужем – это раз, я ее к себе не звал – это два, у меня на нее… – он запнулся, – аллергия – это три.

«На меня, похоже, тоже», – подумала она, но промолчала.

– Я понимаю, странно у нас все началось, – неловко пожал он плечами. – Вчера не думал, что у нас с тобой получится просто поговорить.

– Почему?

– Ты всегда дичилась. Я не знал, как подступиться.

– Правда?…

– Неловко было.

– Мне тоже.

– А сегодня, дай, думаю, к знакомой заеду. Хоть узнаю – что к чему. Веришь – сам обалдел. Говорит – штамп поставить? Приезжайте завтра, оформим в лучшем виде. Что я должен был сказать? Посоветуюсь, какой день выбрать? Если торжественно – тогда понятно. А так, попробуй объясни. Давай, может… пусть ложится, как ложится. Я суеверный, боюсь тебя потерять. А говорить красиво не хочу. Кажется, чувствуешь, а когда начнешь говорить, уже и сам не веришь.

Слушая, как он, смущаясь, скупо по-мужски открывал ей душу, она невольно потянулась к нему, провела ладонью по колючей щеке и почему-то подумала, что надо бы купить ему бритву.

– Я верю тебе, верю,… – касаясь губами его лица, ответила она.

Вмиг он переменился, превратившись в того, о ком она так мечтала длинными ночами.

– Сегодня я уже не пугаю тебя? – одурманивая ее проникновенным взглядом, тихо спросил он.

– Нет, – слегка отстраняясь, прошептала она.

Отбросив условности и сомнения, обвив руками его шею, она прижалась к нему и опомниться не успела, как оказалась полностью в его власти, чувствуя себя глиной в его умелых руках, сгорая, как свеча, от его пламенной страсти.

Когда бурная волна откатила, оставив их лежать в полном изнеможении, не открывая глаз, она тихо прошептала:

– До чего же с тобой хорошо…

– Лучше, чем ожидала? – так же тихо спросил Андрей.

Его слова сковырнули душевное умиротворение. Чего она могла ожидать? У нее и надежды-то не было. Близость любимого человека, что может быть лучше? Но добросовестно исполнившему работу его телу важна была ее оценка, а не искренний душевный порыв. Потому и ответила с нежностью: «Лучше». Не надо, не надо было им ни спрашивать, ни отвечать. Пусть бы все закончилось на этой блаженной ноте, томным вздохом, затуманенным взглядом. Тогда не выпрыгнула бы шальная мысль, не стала бы поперек сердца одним единственным словом – ЧУЖОЙ. «Тогда была молодость, тогда я другого и не знала, – убеждала она себя. – Пройдет время, я привыкну к этому молодому телу, к его напору. И… ведь действительно лучше, или я просто забыла? Какая разница, если мне с ним хорошо?»

Глаза его были закрыты, отчего злосчастный синяк под глазом особенно выделялся. На губах играла слабая ленивая улыбка.

– Сегодня больше не получится, – тихо сказал он, – полпачки анальгина съел, в ушах звенит.

Лиза сжалась от стыда. Как она могла поддаться страсти?! Видела же, что ему больно.

– Прости, – сорвалось у нее, – я виновата…

– Конечно, ты, – одарил он ее сытой улыбкой, – но если еще полпачки съем, до свадьбы не доживу. Куда?! – заметив, что она собирается встать, схватил он ее за руку. – Не вздумай удирать, иначе я вообще не усну.

– Как же быть?..

– Понемногу разминаться, а там, глядишь, и само пройдет, – пошутил он и, обняв ее, закрыл глаза.

Этой ночью она спала крепким и, пожалуй, впервые за последние годы спокойным сном. Так засыпает ребенок, получивший долгожданный подарок.

7

Утро следующего дня шепнуло: «Покой нам только снится». Андрей сорвался с кровати ни свет ни заря, предупредив ее, чтобы часам к двенадцати была готова.

Лиза места себе не находила. Она то с ужасом осознавала, что такое ребячество в ее возрасте недопустимо, то радовалась предстоящей перемене, то представляла себе их совместную жизнь. Примеряя то одно, то другое, она боялась, что своим торжественным видом смутит его. Поэтому звонок застал ее врасплох.

Стоило ей открыть дверь, как все слова тотчас вылетели из ее головы. Она могла только видеть, с мыслями не складывалось. Перед ней стоял… нет, не Андрей, перед ней стоял красавец-мужчина из обложки глянцевого журнала. Черные завитушки его волос были коротко подстрижены и мастерски уложены. Предательский синяк странным образом исчез. Ну, почти исчез

(издали был незаметен). На нем был, как и полагалось для такого случая, традиционно-торжественный черный костюм, черный с темно-синим отливом галстук и белая сорочка. «Аутфит, однако…», – с изумлением пробормотала она. «Что?» – явно чувствуя себя не в своей тарелке, напряженно произнес он. «Красиво, говорю», – глядя на огромный букет белых роз и коробку у него в руках, ответила она. «А,… – по-деловому произнес он, входя в переднюю, и то и другое протягивая Лизе. – Давай собирайся, время поджимает».

Она нетерпеливо открыла коробку. Там лежало нарядное бирюзовое платье. Лиза осторожно вынула его из коробки и, подойдя к зеркалу, приложила к себе.

Андрей торопил ее: «Надевай скорее, некогда любоваться», – говорил он, не глядя на нее.

Взяв со стола ее паспорт, он внимательно его просматривал.

Лиза быстро надела платье и залюбовалась им. Легкое, словно воздушное, собранное у талии, спадающими волнами оно расширялось книзу. Тонкая строчка, опоясывая талию, витиевато поднималась по лифу, увенчиваясь у плеча пышной розой.

Глядя в зеркало, она наблюдала за Андреем. Спрятав в карман пиджака два паспорта, он переложил в другой карман две небольшие коробочки. Потом вынул бумажник и стал пересчитывать деньги. Словно ощутив на себе ее взгляд, он поднял голову.

– Все? – спросил он. – Слушай, хоть она и знакомая, но в обед расписывать нас не станет.

Ни в словах его, ни во взгляде не было даже намека на торжественность момента. Видимо, он считал, что для бабьего счастья достаточно белого веника с расфуфыренным платьем. Пусть тешится, а ему некогда слюни пускать: и организовать все надо, и невесту ублажить, и текущие дела порешать.

Она и тешилась. Поцеловав его, она живо подкрасилась и провела щеткой по волосам. Получилось красиво. Надев пальто и взяв букет, она погладила Малыша, окинула взглядом гостиную и направилась…. навстречу новой жизни.

Подкатив к подъезду свой «опель», он открыл дверцу и с добродушной улыбкой пригласил ее:

– Прошу, мадам, как вас, Матвеева? Через час будете Красновой. Надеюсь, до конца жизни. Проживем мы долго и счастливо и умрем в один день, – преувеличенно бодро добавил он.

По пути никто из них не сказал и двух слов. Каждому из них было что вспомнить и было над чем подумать.

Процедура бракосочетания прошла просто и непринужденно. Ни особых волнений, ни торжественности момента Лиза не ощутила. Знакомая Андрея оказалась добродушной жен-

щиной приблизительно ее возраста и была для него кем-то вроде своего парня, да и вела себя соответственно. Лиза поняла – женщина считала, что расписались они исключительно из меркантильных соображений, но любопытствовать не стала.

Пригласив их выпить принесенного Андреем шампанского, она пошутила:

– Хороший парень Андрюшка, умный. Сама бы за него пошла, так не берет же, сволочь.

Андрей улыбнулся и пригубил шампанского.

– Слушай ее больше. Мы с ее мужем сто лет знакомы.

– Ладно, ребята, – подняв бокал, торжественно произнесла она, – совет вам да любовь. Получили, что хотели? Гуляйте.

– Спасибо, – понимающе кивнул Андрей и протянул ей небольшую коробочку. – С наступающим тебя. Привет мужу.

– Вот за это спасибо, – рассматривая упаковку, одобрительно закивала женщина. – Так и зашли бы когда-нибудь, посидели бы по-человечески, а то все бегом, бегом.

Хоть, видя настороженный настрой «невесты», она не очень-то и надеялась на это. Лиза и сама не понимала, что с ней творится. Подсознательно считая теперь Андрея своим, она напоминала ребенка, ревностно оберегающего любимую игрушку.

Снова оказавшись рядом с ним в машине, она наконец-то расслабилась и осознала, что только что в ее жизни незаметно и буднично произошло важное и одновременно странное событие – она стала женой пусть и любимого, но, в сущности, малознакомого человека.

Заводя двигатель, Андрей улыбнулся ей, но тотчас спохватился и, сунув руку в карман пиджака, вынул две небольшие коробочки.

– Совсем из головы вылетело, – сказал он и, положив на ладонь два тонких обручальных кольца, протянул их Лизе, – давай окольцуем друг друга, – надел он ей на палец обручальное кольцо и подставил свою руку. – Теперь вторая часть марлезонского балета. В ресторан.

Но добрались они туда не сразу. Добрых четыре часа он колесил по городу, улаживая свои дела, и Лизе пришлось терпеливо дожидаться его в машине. От нечего делать осматривая салон, она не могла не признать, что автомобиль выглядел презентабельнее, чем его хозяин в своем старом «прикиде». Ноги то и дело упирались в кусок металлического прута. На ее вопрос, зачем он здесь, Андрей отшутился: «Время нынче стремное». Вспомнив, как он переживал за свою машину и с какой придирчивостью осматривал гараж, она не стала спорить. Гораздо приятнее было думать о нем самом, видеть его извиняющуюся улыбку. Приятно было уже от одной мысли, что у нее такой заботливый и деловой муж.

В ресторан они попали, когда землю окутали робкие сумерки. К тому времени оба успели основательно проголодаться. Хоть день был предпраздничный, веселье в загородном ресторане было в разгаре. Их усадили за столик в центре зала. Яркий свет, громкая музыка, нарядные одежды, блеск украшений – мир, где нет места унынию и бедности, нет несчастных и некрасивых.

«Шик, блеск, красота. Тра-та-та, тра-та-та», – вспомнилась ей песенка из старого фильма. Но сегодня ей не было дела до других, она чувствовала себя именинницей, получившей царский подарок, и хотела насладиться этим сполна. Странновато они выглядели, слегка покачиваясь в танце среди выплясывающей публики. Бархатный голос, удивительно похожий на баритон Леонарда Коэна, с хрипотцой проникал в душу:

Dance me to your beauty with a burning violin

Dance me through the panic till I'm gathered safely in…

Ей было так хорошо, так надежно в его объятиях. Время от времени поднимая к нему глаза, она не заметила, как он, взглядом указав на прильнувшую к груди жену, с улыбкой кивнул музыкантам, и женские голоса вновь подхватили песню. Как бы невзначай сунув руку в карман пиджака, он достал оттуда и надел на шею ей золотую цепочку с кулоном. Кулон был под стать ее наряду – бирюза в золотой оправе.

«Все слишком хорошо, чтобы быть правдой», – вспомнились ей чьи-то слова.

В действительности же это была лишь видимость правды. Деньгами и советами снабдил его Нодар, как бы извиняясь за причиненный ущерб. Но знал Андрей, что так он сделал бы и безо всякого ущерба. Когда Андрей как-то спросил у него: «Чья она?», Нодар лишь тяжко вздохнул в ответ: «Бы была ничья, меньше было бы мороки, – и на всякий случай предупредил, – не связывайся с ней, ты ее не раскусишь. А она тебя прожует и выплюнет». И сейчас, перехватывая этот взгляд трепетной лани, Андрей почему-то чувствовал, что и взбрыкнуть она может нешуточно.

– Поедем завтра знакомиться с твоими, – отгоняя настырные мысли, напомнил он, – теперь уже, впрочем, и моими.

– Зачем так торопиться? – встревожилась она. – Завтра же 8-е марта.

– Нодар дал мне два выходных. Только из уважения к тебе. Приурочим знакомство к празднику. Теще я подарок приготовил.

– А Малыш? – все еще не теряя надежды, выискивала она причину, – мы его в машину не втащим. Сначала он должен к тебе привыкнуть.

– Так даже лучше, – обрадовался Андрей, – не придется оставаться там на ночь. Я еще пачку анальгина купил, – наклонившись, **пошутил он.**

Она была на все согласна, лишь бы остаться с ним наедине. Мысли и чувства ее были далеко отсюда, там, где она могла полностью отдаться своей всепоглощающей любви.

Если бы Лиза не была так очарована своим молодым мужем, если бы соизволила хоть раз обозреть присутствующих в зале, она бы непременно заметила заинтересованно поглядывающую на нее молодую женщину, удивительно похожую на ее бывшего мужа. Но, казалось, сама судьба смилостивилась над ней, подарив этот день, в котором уже не было ее прошлого и еще не угадывалось будущее.

8

– Добрый день, хозяева, – позвонив в дверь, Андрей не стал дожидаться, пока хозяева соизволят открыть, – дочь ваша драгоценная с законным супругом пожаловала, – не обращая внимания на одергивания жены, продолжал он.

Оглядываясь по сторонам, Лиза уже не рада была, что согласилась на его уговоры.

Впрочем, «родня» не заставила себя ждать. Через минуту дверь открылась, и на пороге, опираясь на палку, появился тесть. Смерив «молодоженов» хмурым взглядом, он хмыкнул и посторонился.

– Проходи, коли не врешь, – пробасил он.

С замирающим сердцем Лиза вошла следом за мужем. Из кухни в переднюю выглянула мама, да так и застыла в нерешительности.

Андрей широко улыбнулся ей, словно старой знакомой.

– Здравствуйте, Татьяна Васильевна, с праздником, – протянул он ей букет цветов и пакет с подарками.

Мама неловко улыбнулась и, поблагодарив, вежливо спросила: «Вы – Андрей?»

Его опередил отец.

– Да, подарочек от любимой доченьки в честь восьмого марта! – прогремел он своим густым басом, пытаясь смутить Андрея.

Но тот оказался не из робкого десятка.

– Зря стараетесь, Арсений Иванович, – добродушно улыбнулся он, протягивая отцу бутылку дорогого коньяка, – подарочек, нет ли, время покажет. А пока что примите как зятя.

– Какого зятя? – окончательно растерялась мама. Маленькая, щуплая, она выглядела сейчас забавно, прижимая к груди пакет и букет цветов.

Но отец уже переключился на коньяк, ворча при этом:

– Как, какого? Небось уже пол улицы слышало, какого, а тебе все невдомек.

Не выдержав, Лиза объяснила:

– Мы вчера расписались, – снимая пальто, сказала она, – так что Андрей теперь мой муж. Стало быть, ваш зять.

– Ах, вон оно что, – все еще с растерянным видом закивала мама, и, понемногу приходя в себя, проявила привычное гостеприимство:

– Проходите в зал. Арсений Иванович, успеешь еще рассмотреть, – пожурила она отца.

Но от того что они вошли в гостиную, неловкость не исчезла. Понимая, что дело-то уже сделано, отец поставил бутылку на стол и обратился к жене:

– Что ж, Татьяна Васильевна, собирай на стол. Будем зятя угощать, – и, повернувшись к Андрею, спросил, – мне как же теперь к вам обращаться прикажете, по отчеству или по-родственному?

– Какое там отчество, – Андрей осадил высокопарность тестя, – я отца своего в глаза не видел.

Вмиг с отцовского лица слетело шутовское выражение, и он участливо спросил: «Умер?»

– Бросил, – ответил Андрей, – так что мне отчество это как кость в горле.

Ни в поведении его, ни в тоне не было даже намека на неловкость, которую люди обычно испытывают при первом знакомстве.

Не ожидая такой откровенности от чужого человека, отец попытался скрыть свое смущение.

– Что ж, присаживайтесь, – предложил он, взглянув на дочь. – Лиза, что ты, как в гостях?

Ставя букет в вазу, мама сочувственно посмотрела на зятя.

– Вы разыскивать не пытались? – спросила она. – В жизни всякое случается.

– Может, и разыскал бы, – уселся на диван Андрей, – если бы знал, кого.

На какое-то время в гостиной повисла тишина. Взглянув на отца, Андрей, поспешил развеять его подозрения.

– Я не затем сказал, чтобы разжалобить. Просто, лучше сразу знать, кого в семью принимаете, – закончил он, взглянув на тещу, проникшуюся к нему искренней симпатией.

– Так ведь не нам с тобой жить, мил человек, – заметил отец и, опираясь на палку, осторожно присел на стул.

– Но вас это, похоже, не радует, – Андрей открыто посмотрел в глаза тестю.

– А чего ты ждал, – с иронией глядя на зятя, пожал тот плечами, – чтоб я тебя расцеловал за то, что дочь мою осчастливил? Не скрою, для нас не секрет, что Лиза за тебя замуж собралась. Потому и хотел познакомиться. Но, коль уж вы по-другому решили, так тому и быть. Будет между вами мир и согласие, мы только рады будем, – говорил он, время от времени бросая на новоиспеченного зятя странноватые взгляды. Наконец, не выдержав, спросил: – Ну, коли ты мне теперь родственником приходишься, позволь по-родственному полюбопытствовать. Где ты такой фингал получил?

Не ожидая от тестя такого коварства, Андрей смутился.

– В борьбе за правое дело, – с хмурым видом отрезал он.

Похлопывая ладонью по колену, отец ухмыльнулся и покачал головой.

– Понятно, – добродушно произнес он, – она его за муки полюбила, а он ее – за сострадание к ним, – с этими словами он повернулся к жене, – что, девчата, долго нам угощения дожидаться?

Лиза принялась накрывать на стол, а Татьяна Васильевна поспешила на кухню.

Арсений Иванович тоже направился следом за женой, но не на кухню, а к себе в кабинет.

– Сейчас приду, – сказал он на ходу непонятно кому.

Оставшись наедине с Андреем, Лиза подошла к нему и, прислонившись щекой к его плечу, тихо сказала:

– Не переживай. У отца просто характер такой. Но человек он хороший, главное, справедливый.

– Нехило живут справедливые люди, – окинув взглядом гостиную, подытожил Андрей. – Похоже, у нас с ним разное понятие о справедливости.

– Этот дом отец лет десять строил, – укорила его Лиза. – Сперва была комнатушка и кухонька с печным отоплением. Потом пристроили две комнаты, через пару лет пристроили веранду и расширили кухню. А когда отца повысили, достроил еще две комнаты. Пойдем, покажу тебе дом, – чтобы занять мужа, предложила она и, взяв его за руку, повела в переднюю.

За ней следовал длинный коридор. Справа были комнаты Лизы и брата, слева – кабинет отца и спальня родителей, в которую можно было попасть также из кабинета.

Лиза осторожно ступала по расшатанному поскрипывающему под ногами паркету, словно не здесь когда-то тайком пробиралась в комнату брата, таскала из кухни сладкое, хранила в укромных местах под лестницей свои нехитрые сокровища.

Минуя приоткрытую дверь кабинета, где отец что-то искал в выдвижном ящике стола, Лиза открыла дверь в свою комнату. Воспоминания давили со страшной силой. Отовсюду доносились отголоски черной боли. Прислонившись к двери, она наблюдала, как Андрей всматривался в фотографии на стене, вертел в руках безделушки, словно пытаясь постичь ее мир.

Подойдя к окну, он какое-то время задумчиво смотрел вдаль. Повернувшись, он указал взглядом на фотографию, где маленький Сережа весело смеялся, обхватив ручонками ветку вишни.

– Это то же дерево? – спросил он, глядя на вишню за окном.

– Нет, – ощутив острый приступ боли, покачала головой Лиза, – та вишня видна из кухни.

Ей не хотелось говорить с ним о сыне.

Андрей какое-то время напряженно о чем-то думал, потом тихо произнес:

– А ведь у нас с тобой детей не будет.

– Не будет, – с поникшим видом согласилась она, – но я тебе честно призналась.

– Не в тебе дело, – расстроенно ответил Андрей, – я не могу иметь детей.

– Ты уверен? – предчувствуя неладное, встревожилась она.

– Да, проверялся, – подтвердил он кивком свои слова.

– Но это, кажется, лечится, – попыталась она поддержать мужа.

– Может, и лечится, – пожал он плечами, – а нам оно надо?

Нечего ей было ответить, поэтому она направилась к двери.

– Ладно, пойдем, покажу тебе комнату брата.

– Где он живет? – направляясь следом за Лизой, спросил Андрей.

– Не знаю, – открыв дверь соседней комнаты, ответила Лиза, – уехал когда-то на БАМ, с тех пор от него ни слуху ни духу. Он мой сводный брат по отцу.

С интересом разглядывая тренажеры, модели бригантины и яхты, соседствующих на книжном шкафу с небольшим телевизором, всматриваясь в названия книг, Андрей одобрительно кивал.

– Чего это братца на БАМ потянуло?

– Узнал от матери, что отец ему не родной.

– Доказать захотел, что и сам чего-то стоит, – понимающе кивал Андрей, – вот и доказал, – перевел он взгляд на Лизу.

– Что в этом плохого? – резковато спросила Лиза, вспомнив, каким добродушным немного застенчивым всегда был Валера. Когда-то он казался ей красивым.

– Ничего, но глупо, – сняв бригантину, Андрей с интересом рассматривал ее.

– А что, по-твоему, умно?

– Со мной служил такой же безбашенный. Тоже за каким-то фигом в Афган полез.

– И что?

– Я жив, а его нет, – с прищуром созерцая свое прошлое, ответил Андрей.– Есть на свете справедливость.

– Ты считаешь это справедливым?

– Почему нет? – с вызовом спросил он. – Если нами все привыкли дырки затыкать, так хоть какая-то сила должна же нам помогать. Мы тоже на свет родились не только затем, чтобы за других отдуваться. Партия сказала: «Надо!» Комсомол ответил: «Есть»! – его передернуло, как затвор. – Какой долг?! Мы же с разных планет! Кто нас туда звал?! Кому мы там на х…н были нужны?! Друг друга защищали пацаны! Себя калечили, чтобы друзья шкуру не содрали! Матеря с ума сходили и по ночам выли в подушки! А обо мне и поплакать-то некому было…

Прикрыв глаза, он замер на время. Дрожью пройдясь по телу, как ветром по луже, боль вывернула наизнанку душу и отпустила.

– Потом расплатились квартирой, чтобы можно было жить, – неизвестно кому говорил он. – Только жить почему-то не хотелось. Потому и нет во мне жалости, – с болью посмотрел он ей в глаза. – Такого примешь?

– Как будет, так и будет, – ответив прямым взглядом, поспешно произнесла она, но поняла, что он не усомнился в ее правдивости.

– Кто это сделал? – спросил он, взглядом указывая на бригантину.

– Брат, – она с облегчением подхватила разговор. – Отец, помнится, откуда-то привез несколько сборных моделей, чтобы ему не скучно здесь было. Со мной ему было неинтересно. А мне его почему-то было жалко. Хоть его здесь никто не обижал.

– Не обязательно обижать, можно дать человеку почувствовать, – произнес Андрей, ставя бригантину на место.

Лизе показалось, что намекал он сейчас на себя. Впрочем, в этом Лиза была с ним согласна. Именно чужим брат и чувствовал себя в отцовском доме, во всяком случае, мама постоянно давала ему это понять своей вынужденной покорностью.

– Лиза, Андрей! Где вы там? – донесся из гостиной голос отца.

– Пошли, – Лиза коснулась его руки. – Остался только кабинет отца и их спальня. Но там я и сама нечасто бывала.

– Сейчас они вдвоем здесь живут? – направляясь за Лизой, спросил Андрей.

– Да.

– Как в музее, – покачал он головой, – я бы так не смог.

– Не зарекайся, – оглянулась Лиза, – может, и нам с тобой придется здесь доживать.

Когда они вошли в гостиную, стол уже был накрыт. Заметив, как смутилась дочь, отец добродушно улыбнулся.

– Ты у нас сегодня второй день замужем, тебе простительно. Вот, мой подарок, – протянул он ей футляр, – с праздником, доченька, – тепло сказал он, поцеловав ее в щеку.

Открывая синий бархатный футляр, Лиза не сомневалась в том, что там находится очередное золотое украшение. Отец всегда дарил своим женщинам золото. И в этот раз в футляре ажурной змейкой блестел красивый браслет.

Не успела она поблагодарить отца, а он уже протягивал небольшую серую шкатулку Андрею.

– А это тебе, дорогой зять, подарок от нас с Татьяной Васильевной, свадебный, можно сказать, – произнес он, напускной хмуростью пытаясь прикрыть сентиментальность.

От неожиданности Андрей переменился в лице. Даже побледнел от волнения, пытаясь открыть свой подарок.

Глядя на безуспешные попытки, отец рассмеялся.

– Шкатулка с секретом, – добродушно сказал он, нажав при этом большим пальцем на ее дно, – а ларчик просто открывался, – с этими словами вернул он шкатулку зятю.

Лиза впервые видела Андрея таким смущенным.

– Секрет этот не для форса, – взглядом указывая на карманные часы, объяснил отец, – вещица в нем дорогая. Часики из чистого золота. Высшей, можно сказать, пробы, – добавил он, не особо надеясь, что зять сообразит сам.

Лиза знала об этих часах, отец собирался приурочить подарок внуку к получению золотой медали. И уже сам факт, что теперь он подарил их зятю, говорил о том, какие надежды на него возлагались. Высказать этого отец не мог, вот и дал понять с присущей ему щедростью в поступках и скупостью в выражении чувств.

– Нравится? – видя смущение Андрея, улыбнулся отец. – Таких тебе, небось, не дарили?

Неловко держа в руке открытую шкатулку, Андрей перевел на отца встревоженный взгляд.

– Мне вообще ничего не дарили, – коротко сказал он.

Обескураженный таким выражением благодарности, отец перевел взгляд на дочь. Андрей перехватил этот взгляд:

– Спасибо, конечно, – с опозданием произнес он.

– Приятно слышать, – пытаясь обойти душещипательную тему, отец похлопал зятя по плечу и обратился к дочери: – Давай-ка, доча, подсуетись, душа праздника просит.

Окинув взглядом накрытый на шесть персон стол, Лиза удивилась:

– Кто-то еще придет?

– Как обычно. Петрович с женой, – ответил отец.

Лиза совершенно забыла о сложившейся многолетней традиции – каждый год восьмого марта к родителям приходил бывший шофер отца Петрович с женой.

– Родня ваша? – оживился Андрей.

– Нет, шофер мой бывший с женой по праздникам к нам захаживают.

– Хороший человек, – окинув критическим взглядом стол, заметила мама.

– Хороший, верно, – усаживаясь за стол, отец указал Андрею место рядом с собой, – присаживайся, сейчас девчата к нам присоединятся. Безотказным был всегда. Ни разу я от него ни жалоб, ни отговорок не слышал. Работа такая – дело тонкое. Иногда аврал, ЧП, и посреди ночи срывали, а комиссии да проверки? Это ведь только видимость застолья, в такие минуты дела в самый раз улаживать. А ему, знай свое дело – крути баранку, – когда женщины сели за стол, отец взял бутылку вина, – тебе, может, водочки? – обратился он к Андрею.

– Нет, спасибо, – вежливо, но твердо отказался Андрей, – нам сегодня домой возвращаться.

– Вот те раз! – изумился отец. – Что же это за гости такие?

– Там же Малыш один остался, – живо вставила Лиза.

– Я и забыл,… – почесывая затылок, согласился отец.

– Что же вы его с собой не взяли? – заметно расстроившись, спросила мама.

– Он в машину не сядет, его еще приучить надо.

– Тогда Петровича дожидаться не станем, – предложил отец.

– Как они, кстати? – спросила Лиза.

– Знаешь, как люди говорят? У умного человека и правнуки сыты будут, – осушив рюмку, отец хукнул и принялся закусывать.

– О чем ты? – насторожилась Татьяна Васильевна.

– О том, что Петрович своей безотказностью детям жизнь обеспечил. Сына его я в институт устроил. Потом к себе инструктором взял. Работа непыльная, уважаемая. Синекура. Он и сейчас не бедствует. Помнит добро человек. Жена его маме помогала, когда я с ногой этой месяц провалялся. Он наведывается по вечерам, в шахматы поиграть. Вот, Андрюха, как

у меня жизнь сложилась – двоих детей растил, воспитывал, на внука нарадоваться не могли. А что в итоге? Спасибо, хоть одно утешение на старости лет осталось, – взглянул он на Лизу.

Подкладывая закуску, Андрей с интересом слушал тестя. Но Лиза уже заранее знала, к чему повернет отец.

– Не надо об этом снова, – попыталась она остановить отца.

– А о чем мне говорить? – не мог смириться с несправедливостью жизни отец. – Может, хоть муж тебя образумит. Ты ему о планах моих говорила?

– Нет еще, – приуныла Лиза.

– Тогда я скажу, – отец снова налил себе водки, а женщинам вина. – Есть у меня идея открыть загородный ресторан. Для дочери старался, договаривался. Все уже, как говорится, на мази. Улаживай формальности, вкладывай деньги и работай. Как ты на это смотришь?

– Я? – удивился Андрей.

– Ты же ее муж, не я, – выпив, отец снова принялся закусывать.

– Такие вопросы с кондачка не решаются, – сдержанно ответил Андрей.

– А я от тебя решения и не требую. Как ты смотришь на это, спрашиваю.

– Чтобы деньги вложить, мне надо свою квартиру продать. Больше взять негде, – сознался Андрей. – По-другому – из своего кармана вынуть и в ваш положить.

Отец рассмеялся.

– Хвалю за честность. А ты осторожный человек.

– Жизнь научила. По правде говоря, мне без разницы, что у хозяина своего, что у вас в помощниках ходить. А так оно и будет, помянете мое слово.

– Лиза говорила – ты управляющим в каком-то баре работаешь?

– Да, у знакомого. Вообще-то, делами заправляет он, а я так, помощник. Но у меня и своего по мелочи хватает. Не бедствую.

– Что-то заканчивал?

– Да, – кивнул Андрей, – два класса и три коридора. В ПТУ учился, в Афгане продолжил, а потом… Потом надо было что-то есть и где-то жить.

Чувствуя в словах Андрея укор, отец молча кивал.

– Ничего, – наконец подытожил он, – школа жизни – самая надежная. Между нами, я и сам недопонимаю важности всех этих академий. Сегодня у них правильно одно, завтра – другое. А человеку на то, чтобы изучить только это одно, надо полжизни положить, – закончив, он какое-то время сосредоточенно думал о чем-то своем. – Что ж, на нет и суда нет. Нужна будет помощь, обращайся. Сам навязываться не стану.

– Спасибо за предложение, – коротко ответил Андрей и обратился к теще: – Вкусно вы готовите, Татьяна Васильевна.

Мама расцвела в улыбке.

– Спасибо. Ты, ешь, ешь. Лиза так же готовит. Моя школа, оценишь.

– Один оценил уже, – проворчал отец, но этого ему показалось мало: – Мы с тобой мужчины, думаю, ты поймешь. Любовь, это одно, а семья – другое. Святое, понимаешь?

– Согласен, – коротко ответил Андрей.

– Главное, чтобы ты был согласен со мной и дальше, – кивал порядком захмелевший отец.

– Не сомневайтесь, – не обращая внимания на этот конфуз, серьезно продолжал Андрей.

Лиза места себе не находила. Отец любил выпить, но он и умел пить. А сейчас он был не похож на себя.

Заметив ее взгляд, Андрей встал из-за стола.

– Извините, я покурю, – сказал он.

Отец и тут за ним увязался.

– Я тоже курю, подожди меня, – опираясь на палку, пытался он выбраться из-за стола.

Глядя им вслед, Лиза сокрушенно покачала головой.

– Надо же? Он нарочно столько пьет?

– Он после больницы стал таким, – понизив тон, ответила мама, – не пил давно, ослаб. Вот и разобрало. Как ты с ним познакомилась?

– Я там работала, только папе не говори.

– Кем? – с изумлением отстранилась от нее мама.

– Посуду мыла.

– Чуяло мое сердце. Когда ни позвоню, тебя нет дома.

Лиза перевела взгляд на окно и обхватила ладонями озябшие плечи.

– Решила я было приехать к вам, но с папой несчастье случилось, – задумчиво глядя в окно, говорила она. – С рынка я ушла. Что подвернулось, туда и пошла. Вот так мы и познакомились.

– Но вы же не дети. К чему такая спешка?

– Он предложил, я согласилась, – опустив глаза, созналась Лиза. – Что мне терять?

– Он интересный мужчина, – мама сдержанно одобрила ее выбор.– А что Игорь? Он показался мне таким надежным, рассудительным.

– Да, рассудительности у него не отнять, – согласилась Лиза, – очевидно, рассудил, что коль на свете счастья нет, так есть покой и воля. Я его не осуждаю. Даже лучше, что так получилось. Хоть узнала, какова она, настоящая любовь.

– Мы влюбляемся в иллюзию. Не зря говорят – любовь слепа. Ничего, семейная жизнь – хороший окулист.

– А вы с папой… по любви женились?

– Он всю жизнь орлом в небесах летал. А сам он… думаю, не любил. Насытился своей раскрасавицей, и захотелось ему покоя.

– Не сказала бы. Я же видела, как он возле тебя упадал. Холодком, скорее, тянуло от тебя.

– Женщины коварны, а мужчины падки на лесть. Что мне оставалось?

– Вижу, Андрей тебя обаял.

– Пытаюсь смотреть на него твоими глазами. Хорош собой, в меру брутален, неглуп. Такому с легкостью простят, если он Мане не отличит от Моне. Да и кому это надо? Жизнь гораздо проще, а люди – примитивнее.

– По-моему, умом он здесь еще не блеснул. С чего ты взяла, что неглуп? – ища подтверждения своих чувств, допытывалась Лиза.

– С того, что женился на тебе, – покровительственно улыбнулась мама. – Я знала, кого воспитывала.

Вскоре на веранде послышались голоса, и мама поднялась.

– Гости пришли, – объяснила она, – пойду, встречу их, заодно и горячее подадим.

Лиза тоже поднялась, чтобы заменить тарелки.

Несмотря на то что гости вместе с поздравлениями принесли с собой бодрящую весеннюю свежесть и оживление, Андрей тяготился затянувшимся застольем.

– Давай-ка сматываться отсюда, – наклонился он к ней.

Это не ускользнуло от внимания отца.

– Насиделся уже? – с хмельной бесцеремонностью пробасил он. – Оно и понятно. Трезвому с пьющими одна скукота. Дело ваше, неволить не станем.

Видя, что они с Андреем не вписываются в привычные посиделки старшего поколения, Лиза согласилась. Можно было бы считать знакомство удачным, если бы, выходя из дому, она не услышала приглушенный голос отца.

– Не знаю, Петрович, не знаю, – дымя на веранде сигаретой, с сомнением произнес он. – Человек он скользкий, видно, жизнью битый.

– Время покажет, – привычно успокаивал его Петрович.

– Покажет, покажет, – согласился отец, – Вадима я упустил. Лизу, дурак, послушал. Но этого в бараний рог скручу, если дурить начнет. Думает, старик из ума выжил. Хоть и похорошела она сейчас, даже помолодела вроде, но… здесь и дураку все понятно.

Опасливо опустив голову, чтобы отец ее не заметил, Лиза тихо спустилась с крыльца и быстро пошла к поджидавшему ее в машине мужу.

Пробудившись от хвалебных од, весна вздохнула полной грудью, повеяло первым теплом. Но радостнее от этого не стало, на душе было тоскливо. Андрей тоже был не словоохотлив.

– Ты чем-то расстроен? – спросила она, понимая, что иначе откровенности от него не дождется.

– Ничем конкретно, – глядя на дорогу, ответил Андрей, – но, думается, мы с твоим отцом не уживемся.

– Не руби с плеча.

Какое-то время Андрей рулил молча, думая о чем-то своем, потом повернулся к Лизе.

– Не думал я, что ты из такой семьи.

– Кем же ты меня считал?

– Да никем не считал… Чему сейчас удивляться? Все перевернулось с ног на голову. Но с амбициями твоего отца, и на такую работу? – с сомнением покачал он головой.

– Да, он предлагал, – ответила она.

– Но?… – выжидающе посмотрел на нее Андрей.

– Но вмешалась случайность, он сломал ногу. Потом Руслан предложил мне эту работу. Там я встретила тебя. После этого я стала оттягивать отъезд.

– Получается, если бы мы не поженились, ты бы уехала?

– Не знаю, возможно.

– Н-да,… – задумчиво произнес Андрей, – угораздило же меня влипнуть в такую семейку. Теперь, хочешь не хочешь, нанимайся к твоему отцу в помощники. Зря он, что ль, золотые котлы подарил?

– Но он не настаивал,… – возразила Лиза.

Андрей перебил ее:

– Я вообще нашу жизнь представлял себе по-другому.

– Как?

– Не нравится мне это стремление побольше урвать.

– Что в этом плохого?

– Не вижу смысла. Детей нам с тобой не рожать, жить есть где. Зачем нам лишние проблемы? Знаешь, что такое в наше время открыть ресторан? Тебя по рукам и ногам этим рестораном свяжут. Я же вижу, сколько Нодар на сторону отстегивает. А если бомбанут, что станешь делать?

– Но у отца есть связи.

– Жизнь изменилась. Можно управлять районом и не справиться с забегаловкой. Раньше боялись, что шею намылят, а сейчас могут без шеи оставить. Я вообще-то другое хотел сказать, – причмокнув языком, он с сомнением покачал головой, – жизнь действительно череда случайностей…

– Ты о чем?… – не удержалась Лиза.

– Домик твой мне знаком, – оторвав взгляд от дороги, он утверждающе кивнул на ее вопросительный взгляд. – Всякий раз, проезжая мимо, поглядывал на него и прикидывал, кто в нем живет. Скажи кто-нибудь, что гостем в нем буду, не поверил бы.

– Что значит?…

– То и значит. У меня здесь по соседству знакомая живет, – спокойно начал он, но, заметив ее напряженный взгляд, поправился: – Случайная, – и все же добавил, – но прочная.

– Где?

– На соседней улице. Кирпичный особняк. Намбе уан.

Лиза напрягла память:

– Соловьев? Сережа? – повернулась она к нему. – Он там раньше жил. С бабушкой.

– А теперь живет его невеста.

– Так это она? Твоя знакомая?

– Ага. Нажралась как-то у нас в баре, хипстерша чертова. Бабища – центнер весу, от стола не отклеить. И ментов не позовешь.

– Но он же повесился, – взволнованно вспомнила Лиза. – Мы с ним когда-то вместе учились. Говорили – от несчастной любви.

– От несчастного диагноза. Дурак, конечно.

– Почему?

– Потому что не светило ему этот центнер, так сказать… При вас, дамах, фиг поймешь, как и сказать. Делать можно, а говорить – ни боже упаси! В тот день, когда он повесился, она и упилась в хлам. Кое-как сгреб ее, в машину посадил. Полчаса допытывался, куда везти. Узнал, ушам не поверил. Куда на ночь глядя тащиться? Думал, к себе отвезу, пусть отоспится, потом мотает на все четыре. Уперлась, зараза. Ну, я и повез. В машине оклемалась. Про горе рассказала.

– И… что?

– Полежали рядышком, и все. Не смотри на меня так, – заметив ее недоверчивый взгляд, рассмеялся новоиспеченный супруг. – Успокаивал. Смотрю – из соседней комнаты старуха выплывает. Ну, я сделал ноги.

– Что же вас так сдружило?

– Черт его знает… Ненормально мы как-то расстались. Дай, думаю, попроведаю. К тому времени похоронили уже Соловьева этого. Аккурат на девятый день меня и сподобило к ним явиться. Откуда я знал? Сидели вдвоем с бабкой, горевали. Ну и я присел вместе с ними. Бабка меня в темноте то ли не признала, то ли не запомнила. Или ей все равно было. Она, кстати, твоя тезка, нормальная герла. Рассказала мне – нацепила тогда на себя его любимые тряпки-цацки и пошла встречу с ним обмывать. Чего-то там подсыпала себе в водку. Не взяло. Решила – знак. Бабка вслед за внуком через полгода преставилась, а дом ей достался. Теперь живет там. По-моему, неплохо.

– Ты так и не сказал, почему у вас завязалась такая прочная дружба?

– Под настроение к ней заезжаю. Хочешь, сейчас заедем?

– Я?… – растерялась Лиза.

– Мы, – поправил ее Андрей. – Она, кстати, об отце твоем хорошо отзывается.

– Он похоронами занимался, больше некому было.

– Не потому, нет. Говорит, все его уважают.

– Почему вы про отца говорили?

– Особняк мне ваш понравился, спрашивал, чей. Теперь вот хочу похвастаться.

– Женщины не любят делить мужчин: ни мужей, ни друзей.

– У нее кроме меня друзей хватает. Там обычно людно.

– Чем она занимается?

– Что-то шьют, вышивают. За границу толкают.

– Да, Сережа в художественном учился. Там познакомились?

– Нет, она моложе лет на десять. Видно, на той же стезе сошлись.

– Без подарка неудобно, праздник сегодня.

– Не примет. Так проще – никто никому ничего не должен.

– Ладно, – нерешительно согласилась она.

Андрей, не раздумывая, развернулся, и через четверть часа они уже стучали в знакомую дверь. Впрочем, Андрей постучал для приличия и тотчас рванул на себя незапертую дверь. Лиза робко вошла за ним в знакомый с детства дом.

Навстречу вышла светловолосая ясноглазая пышногрудая женщина. Завидев Андрея, она тепло улыбнулась.

– Проходите, вон в ту дальнюю комнату проходите, – без предисловия и приветствия просто сказала она, – я сейчас, скоро освобожусь, – с этими словами она снова исчезла за дверью, откуда доносились женские голоса.

По всему было видно, что Андрей чувствовал себя здесь как дома. Лизе же было интересно дождаться продолжения. Что-то не давало ей покоя в их отношениях. Ревности она не чувствовала. Тезка ее, мягко говоря, была женщиной на любителя. Знакомство-то у них, может, так и началось. Но дальнейшее не выдерживало никакой критики.

– Подождем? – спросил Андрей, помогая ей раздеться.

– Подождем, – согласилась Лиза, направляясь «в дальнюю комнату» и, видя его удивление, объяснила: – Мы с Сережкой дружили в детстве. Наши бабушки приятельствовали, друг к дружке в гости ходили. Сережина хлебосольной была, чаем с плюшками нас угощала. Помню, мы с ним горки спускались, у них во дворе погреб был, оттуда и спускались. Сад у них в низине, зимой вода замерзала, он меня на коньках учил кататься. В младших классах он у меня уроки списывал, но делал за меня рисование. А когда постарше стали, как-то охладели друг к другу, хоть и не ссорились. Вроде и дружбы никакой не было.

Дожидаться пришлось недолго, вскоре в комнату вошла ясноглазая Лиза, и от ее доброй улыбки стало тепло и уютно.

– Вот, привез жену к тебе, познакомиться, – гордо заявил Андрей, протягивая руку с обручальным кольцом.

– Значит, все у вас сладилось? – без особой радости удивилась ясноглазая. От неожиданности она не сумела этого скрыть, но тотчас попыталась исправить оплошность: – Ты ведь тезка моя, Лиза? Приезжает он ко мне как-то и говорит: «Женщину сегодня встретил. Чувствую, быть ей моей женой».

Лиза перевела растерянный взгляд на Андрея. Тот смущенно потирал затылок.

– С потрохами сдала, – покачал он головой, обращаясь к ясноглазой, – я ей самой недавно об этом сказал. Сейчас я тебя тоже удивлю. Моя Лиза – Серегина одноклассница, Матвеева.

Лиза зарделась. «Моя Лиза»… – смаковала она эти слова, как когда-то бабушкины плюшки, пытаясь подольше растянуть наслаждение.

– Да, теперь узнала, – кивнула ясноглазая, – а ты почти не изменилась. Сережа рассказывал, как вы с ним в детстве дружили. Погоди, у меня для твоей жены кое-что есть, – обратилась она к Андрею и, открыв старый фанерный шкаф, взяла с полки листы с рисунками. Перебрав их, она протянула один Лизе. – Узнаешь?

Еще бы она не узнала. Это был ее портрет, за который Сережка получил на районном конкурсе первое признание – главный приз. Многие тогда говорили – не за мастерство, а за портрет дочери секретаря райкома.

Андрей растопил печку, дом благодарно вздохнул теплом. Синий вечер, как прежде, заглядывал в окна, старая ель у калитки все так же простирала пышные лапы. В маленьких окнах, словно в кривых зеркалах, время искажало благословенные былые времена. Вместо сероглазого Сережки сидел кареглазый Андрей, вместо доброй бабушки – ясноглазая Лиза, ловко сбывавшая заезжим торгашам плоды своего творчества. При свете зажженных свечей играло в бокалах гранатовым цветом вино, тепло его плеча у щеки обещало любовь, звало обратно домой.

9

«Кто придумал, что утро вечера мудренее?» – глядя на кучу оставленных мужем денег, с тоской думала Лиза, вспоминая их супружеское утро. После двух выходных соскучившийся по работе муж живо переключился на деловую волну. Пока она хлопотала на кухне, он, уже одетый, заглянул к ней и чмокнул ее в щеку. Прощально и быстро. Как покойника.

– А завтрак? – смерив его недоуменным взглядом, растерянно спросила она.

– Не балуй меня, – направляясь в прихожую, сказал он, – привыкну.

– А рубашку чистую… почему не надел? – идя следом за ним с половником в руке, недоумевала она.

– Так эта еще не грязная, – обуваясь, ответил он.

До нее понемногу начало доходить очевидное, то, что они в горячечной спешке упустили из вида. Сошлись два чужих, понравившихся друг другу человека. Каждый из них – застывшая глина, прочно сформированная годами. Попробуй притрись. Что ночь свяжет, день размотает и перевяжет по-своему.

– Ты спешишь? – спросила она, остановив его на полушаге.

– Нет, – лизнул он по ней оживленным взглядом.

– Раздевайся и иди в душ, – спокойно продолжала она.

Оживленный мужнин взгляд загорелся, и весь он подался к ней.

«Котяра», … – глядя на него во все глаза, похолодела она.

– Новая игра? – пронзая ее страстным взглядом, на ходу раздеваясь, пошел он на нее.

– Да. Поиграй там с мочалкой и мылом. Авось понравится, – машинально упершись половником в его грудь, остановила она его порыв.

– Только вместе с тобой, – не унимался он.

Увы и ах… Понимая, что в этой спринтерской гонке ее хватит ненадолго, она даже не пыталась ему подыграть.

– У тебя девять жизней?.. – невольно вырвалось у нее.

Понимая ее намек на бессонную ночь, он улыбнулся.

– Другая бы радовалась, – самодовольно заметил он.

«Другая и порадуется, – с тоской подумала Лиза, – с такими темпами радость ее не за горами».

– Надо купить тебе одежду, – видя, как он с легкостью вновь перестроился на деловой лад, сказала она.

– Зачем?… – застыл он в недоумении. – Ты же купила.

– Ты собираешься ходить в ней до гробовой доски? Мне нужны деньги.

К ее удивлению, он безропотно открыл сумку и, вынув оттуда увесистую пачку купюр, бросил их на тумбочку.

– Остальное – завтра, – облачаясь в деловой вид, сказал он и застегнул сумку.

– Откуда?… – обмерла она, не сводя напряженного взгляда с лежащих насыпью затертых, примятых, новеньких и засаленных банкнот.

– Выручка, – преспокойно ответил муж.

– И… ты так просто возишь эти деньги?

– Вожу сложно, но по-другому – никак.

– А как же… недостача?

– Сочтемся, – подмигнув ей, он закрыл за собой дверь.

Что ей оставалось? Надеяться, что постепенно притрутся друг к другу. Она не могла помыслить о том, чтобы обидеть его отказом. В сознании одномоментно пронеслась ее безрадостная сирая жизнь. Лучше в гроб лечь, чем лишиться такого мужа.

Впрочем, вскоре она с облегчением поняла, что муж ее никакой не супермен, а нормальный человек с нормальными человеческими запросами. Не понимал он любовных прелюдий и прочей романтической чепухи. Обрывая ее попытки покрасоваться в кружевном белье, он бесцеремонно снимал все, что мешало приступить к исполнению супружеского долга, временами походившего на супружескую повинность. Она принимала это на свой счет, понятия не имея о его интернатском прошлом, когда дебелые тетки, таская его как шлюху, вызвали в нем отвращение к плотской любви. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не вездесущая директриса. Но все ее добросовестные попытки снять с него «порчу» разбивались о его «глубокие» познания женского тела. С тех пор после близости с женщиной, не находя в ней любви человеческой, он испытывал лишь опустошенность и разочарование. Сейчас у него этой любви было с избытком, но он старался, боясь ее потерять.

Жизнь его вертела как белку в колесе. Да и ей скучать не давала эта новая заманчивая жизнь. Через день в ее квартире начали появляться неизвестно чем набитые коробки, которые с завидной скоростью разбирались ушлыми дельцами, и на их месте появлялись новые. Через неделю ими была заставлена вся лоджия, еще через неделю – балкон. Новый самец метил свою территорию, деловитостью и прагматизмом заглушая отголоски прежней жизни. «Ну и пусть, – скрепя сердце, убеждала она себя, – пусть хоть у него здесь сложится та жизнь, за которой он ко мне пришел». Но когда он добрался до Сережиной комнаты, Лиза жестко сказала: «Нет». Удивленный ее категоричностью, он искренне недоумевал: «Все равно же пустует». Заранее зная, что при всем желании он не сможет ее понять, она с потухшим видом коротко ответила: «Пока она пустует, я живу». Как, оказывается, просто влюбиться в человека, но как непросто при этом впустить его в свою жизнь, когда уже «не шешнадцать», когда держит привычка и чертте сколько неприметных и где-то даже ненужных мелочей, из которых и состоит эта самая жизнь. Пришлось подстраиваться и принимать новые правила игры, без чего семейной жизни тоже не получится. Несмотря на то что львиную долю этого добра Андрей ежедневно развозил по торговым точкам, ей тоже приходилось отпускать и учитывать, то и дело дергая из-под кровати набитую деньгами сумку. «Партнеры» его были несловоохотливыми и воспринимали ее не как его жену, а, скорее, как обслугу. Самым циничным из них казался ей Магрел. Всякий раз на его очередное: «Цыган дома?» ее так и подмывало съязвить. Но не решалась, робея перед его мрачным видом. Скрепя сердце, терпела она этот «проходной двор». Непривыкший к замкнутому семейному мирку, Андрей считал это неудобство несущественным и смотрел на него сквозь пальцы. Раз в неделю они с Магрелом вели свои расчеты за плотно закрытой кухонной дверью. Предвидя очередной испорченный вечер, она накрывала на стол и уходила в гостиную. Как-то, уходя, «гость» вместо благодарности бросил в ее адрес грязную шутку. Надеясь, что она не слышит, Андрей промолчал, только глаза у него стали злыми.

– Не хочу его здесь видеть, – не сдержалась Лиза.

– Значит, не увидишь, – скупо ответил Андрей. – Не бойся, – пытаясь скрыть неловкость, добавил он с бесстрастным видом, – никто к нам не ворвется и паяльником пытать не будет. Кому мы нужны со своими миллионами? Вон где страсти бушуют, – кивком указал он на экран телевизора, – а мы так, по мелочи.

На следующий день, подогнав бус, он без объяснений забрал из квартиры ящики с товаром. О чем было говорить, когда все было понятно без слов? Хозяин – барин. Часто после вечерних прогулок с Малышом он приносил домой деньги. Понимая, что расспрашивать бесполезно, она складывала их в сумку. Через месяц, вытряхнув содержимое сумки, он попросил разделить деньги на две части, объяснив, что одна из них – Нодара. «А остальное?» – с изумлением спросила она, глядя на ворох лежавших перед ней купюр, каждая из которых еще недавно была для нее за счастье.

«Наше», – как нечто само собой разумеющееся ответил он, умолчав о том, что большей частью этих денег надо было возместить чужие, сгоревшие в квартире вместе с его добром. Не хотелось портить первое впечатление. «Месяцем раньше или позже», – решил он.

– Куда их теперь? – растерянно спросила она, так как ничего объяснять ей он не собирался.

– На жизнь. Остальное – в чулок, – лаконично объяснил он.

– У нас сейф есть в гараже, в яме, – вопросительно глядя на него, предложила Лиза. – Может, туда?…

– Можно туда, – неосмотрительно ответил он, не сообразив, что сейф в яме и сейф на виду – не одно и то же. – Часть – крупняком, часть – баксами.

Получив деньги с подробно расписанными суммами, Нодар смекнул, что поймал удачу и попросил тайком проаудировать работу своего бухгалтера – неплохо заправлявшей у него ушлой дамы, на которую спихивал все «бумажные дела» не особо заморачивающийся ими управляющий. Грех было не воспользоваться бесплатной помощью его жены. Теперь все «бумажки» предварительно проходили через ее руки. Занятно было наблюдать, как, обрастая цифрами, определялась цена того, что раньше при ней нарезалось, подавалось, после чего когда-то приходилось мыть горы посуды. Теперь она знала, где в обмен на сахар и зерно он берет водку, кто бодяжит для него ликеры и коньяки с хитроумными названиями. О муже она с Нодаром не говорила, да и что было говорить? Ничего больше ей не оставалось, как гнать от себя приставучие мысли о его вечерней работе.

Жизнь у них на первый взгляд была приземленной, но вместе с тем ей жилось с ним нескучно. Звезд с неба он не хватал, но был неглуп, всегда имел при себе пару-тройку историй, которыми прикрывал вечернюю усталость. Дневные дела оставлял он за порогом семейной жизни, предпочитая дома наслаждаться ее новизной.

Встретившиеся на ветви переплетения судеб две раненные птахи… И полжизни прожито, и гнезда разрушены. Но не отнят пока ее остаток, не отнята питающая его надежда. И надо как-то дальше жить. Из тоски и печали, любви и надежды вили они свое гнездо, пытаясь согреться друг другом от умерщвляющего холода одиночества.

10

Заглянув к ним в начале лета, отец был приятно удивлен предприимчивостью зятя. «Не скрою, не ожидал», – за ужином одобрительно сказал он и, убедившись, что дочь в порядке, пригласил провести у них недельку-другую. Выказав тестю должное уважение, после его отъезда Андрей поддел-таки его: «Он и раньше контролировал твою жизнь, или сейчас боится, как бы я не пустил дочь по миру?» Лиза задумалась. «Когда ушел муж, я постепенно смирилась с одиночеством, – то ли ему, то ли себе сказала она. – Когда сын стал встречаться с девушкой, по-взрослому встречаться, я приготовилась стать бабушкой. Когда не стало сына, ничего кроме смерти я уже не ждала. А жизнь вот как все повернула. Отец свое отбоялся. Когда-то мы каждое лето к ним приезжали. Природа у нас красивая. Озера – одно краше другого. Думаю, не пришелся бы ты ему по душе, вряд ли дождался бы от него приглашения. Но отдых нам, похоже, не светит». Она вдруг предстала перед ним иной, невольно приподняв полог своей в прошлом благополучной жизни. «Месяц не обещаю, но на медовую неделю, думаю, мы заслужили», – ответил он, заранее предвидя недовольство Нодара. Да и она это знала, потому на большее не рассчитывала.

Увы, вместо медовой недели у них получилось не разбери-поймешь что. Уже по тому, как Андрей оттягивал отъезд, Лиза почувствовала, что ничего хорошего из этого не получится. Приехали они вечером, так как весь день перед отъездом Андрей развозил товар и дважды ездил к Нодару улаживать дела. Несмотря на позднее время, их ждали. Стол был накрыт по-

царски возле дома в арке из виноградной лозы. Глядя, как родители пытались скрыть неловкость, то и дело умиляясь и удивляясь собачьей непосредственности, Лиза подумала, что вряд ли им в этот раз удастся создать здесь милую пастораль.

С ужина все оно и началось. Желая выказать радушие, тесть щедро подливал и подкладывал второму зятю, как когда-то первому, только первый в отличие от второго мог беспроблемно переварить и гвозди. Впрочем, расслабившись после напряженного дня, поддатый и сытый зять выглядел вполне довольным. И с тестем они теперь казались на короткой ноге. Лиза помалкивала, что ей оставалось?

Ночью последовало продолжение. Мужу почему-то вдруг стало душно, хоть, на ее взгляд, в доме было гораздо свежее, чем в городской квартире. Тем не менее повел он себя странно, улегшись рядом с собакой на полу. Когда она решила было составить им компанию, муж испуганно запротестовал: «Я закаленный, а ты простынешь». Она согласилась и недурственно провела ночь одна на брачном ложе.

С утра Андрей, привыкший вставать ни свет ни заря, принялся шарить по кастрюлям, надеясь найти приготовленную женой кашу. Вслед за Андреем вышел обследовать новые владения Малыш. Заслышав возню, к ним подтянулся сонный взлохмаченный Арсений Иванович, тотчас оживившийся при виде зятя. «Далась тебе эта каша, – проявил он царскую щедрость, – дай бабе волю, она тебя из соски накормит. А мы с тобой икорки с блинами, да под водочку!» Когда Лиза заглянула на кухню, Малыш слизывал с пола остатки пиршества, а поддатые мужчины дымили на лавке у дома, пытаясь утренней свежестью разбавить хмель в головах. Пока она готовила завтрак, муж незаметно проскользнул в спальню и продрых на перинах до самого обеда.

Однако к обеду он вышел весь помятый, объясняя это тем, что не привык пить по утрам. «А как же, – согласился тесть, – по утрам работать надо. А на отдыхе можно расслабиться. Лови момент, пока есть подходящая компания!» И снова выказал радушие, которое зятю, похоже, поперек горла стояло. В довершении ко всему, отведав ставшего почему-то жгучим собственноручно приготовленного супа, Татьяна Васильевна ахнула. Арсений Иванович с видом простодушного добряка объяснил свое вероломство: « Хозяйка ты у меня, Татьяна Васильна, знатная, но стряпня твоя больно пресная. Может, зятю поострее хочется, мужчина-то молодой, здоровый». «Молодой и здоровый» таким не выглядел, и в этот раз, недолго задержавшись за столом, пошел глотать таблетки.

Пока Лиза с мамой собирали в саду малину и смородину, мужчины разошлись по комнатам набираться сил перед вечерним поединком.

Пометив новые владения, не сдерживаемый поводком, не понукаемый командами, Малыш блаженствовал на траве в тени малинника. Тихо переговариваясь с мамой, время от времени захватывая губами и придавливая языком к небу упругие сочные ягоды, Лиза растворялась в пышно-зеленом, щебечущем, благоухающем душистым горошком, ослепительно солнечном дне. Татьяна Васильевна радовалась – одной собирать урожай было утомительно, а вдвоем за пару часов они неплохо управились. Первым из дома вышел Андрей. Лениво расправив плечи и с опаской посмотрев, не видно ли тестя, он сел на лавку. Щедро угостившись из стоящих рядом кузовков с малиной и смородиной, он потрепал по загривку подошедшего Малыша. Заметив через окно, что они направились к огороду, Лиза хотела было их окликнуть, но Татьяна Васильевна остановила ее. «Лишившись головы, по волосам не плачут», – добродушно сказала она, намекая на изрядно потоптанные Малышом грядки.

Послеобеденный отдых прибавил Андрею сил и поднял настроение. Вдобавок ко всему вечером Арсению Ивановичу привезли «спецзаказ» – ведро крупных вареных раков, которые неплохо ушли под пиво. И после ужина Андрей уже был не прочь перекинуться с тестем в картишки. Посиделки затянулись допоздна, пока они не прикончили-таки бутыль домашнего

вина. Правда, вернувшись в спальню, Андрей заметил жене: «Еще пару таких дней, и таблетки не помогут».

Спать он снова устроился на полу и, когда Лиза предложила открыть окно, испуганно бросил: «Не надо! Протянет». В этот раз Лиза молчать не стала: «Надо меньше пить», – отрезала она и открыла-таки окно. Мужу ничего не оставалось, как улечься рядом с ней. Но лег он как-то странно, на пионерском расстоянии от законной супруги. Стоило ей, пододвинувшись к нему, привычно положить голову ему на плечо, как он с непонятным напряженным видом попросил посмотреть, нет ли кого за дверью. «У нас привидения не водятся. Спи уже», – расценив это как издевку, прошептала она и повернулась к нему спиной.

Вдруг из-за двери послышался тихий голос Арсения Ивановича: «Молодежь, морса не желаете? Вишнево-малиновый. Вкусный!» «Папа! – взмолилась Лиза, – какой морс? Ночь на дворе!» «Чего ж не спите, если ночь?» – не унимался Арсений Иванович. Из родительской спальни донесся голос Татьяны Васильевны: «Сеня, оставь молодежь в покое! Зять на дочери женился, а не на тебе!» Арсений Иванович в долгу не остался: «Вот ты дочери и скажи! – протрубил он. – Она же его на полу рядом с собакой положила! И сегодня, слышу, пилит: „Надо меньше пить!“ Твое воспитание!». Андрей шепнул с видом именинника: «Мне радоваться или заплакать от счастья?» «Что хочешь, только молча, – вздохнула Лиза и окликнула отца: – Войди, полюбуйся, где твой зятек почивает!» Арсений Иванович скрипнул дверью и поставил на тумбочку кувшин с морсом. «Я ж по-отечески», – высмотрев-таки застывшую глуповатую улыбку зятя, закрыл он за собой дверь. Лиза шепотом спросила: «Нюхом ты его чуешь, что ли?» Как ни странно, муж согласился: «От него за пять метров одеколоном несет. И прошлую ночь несло, отвечаю». Лиза вспомнила, что пару лет назад Вадим привез из-за границы в подарок тестю дорогой стойкий одеколон. С тех пор отец этому запаху не изменял. Все привыкли и не замечали. Вскоре в доме все стихло, и им удалось-таки уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.